

Можно ли было выручить Портъ-Артуръ въ маѣ 1904 года¹⁾?

Психолого-стратегическій очеркъ (съ планомъ и тремя схемами).

Какъ неудачно окончилась попытка перехода въ наступленіе для выручки П.-Артура: какъ уже говорилось выше, исходъ боя 2 іюня не мало способствовалъ тому, чтобы опорочить вмѣстѣ съ нимъ идею всей операціи. Но на войнѣ важно не то, что дѣлается, а какъ оно дѣлается; о томъ, какъ „дѣлалась“ вафангоуская операція, начальникъ штаба Намѣстника г.-л. Жилвинскій телеграфировалъ 4 іюня Военному Министру въ слѣдующихъ выраженіяхъ:.. „Несмотря на энергичныя настоянія Намѣстника, чтобы для дѣйствій на южномъ фронтѣ назначены были силы, дающія намъ перевѣсъ или равенство съ непріителемъ, именно, не менѣе 48 б-новъ, ген. Куропаткинъ не выполнялъ этихъ требованій и на каждое изъ нихъ отвѣчалъ длинными письмами и отповѣдями... Ген. Куропаткинъ принялъ планъ идти къ Артуру, выставивъ достаточной силы заслонъ противъ Куроки... Но если этотъ, по моему мнѣнію, рискованный планъ, былъ принять, то надлежало уже выполнить его быстро и рѣшительно. Вмѣсто этого... выдвиженіе частей впередъ шло такъ вяло и неохотно, что къ тому времени, когда японцы начали наступленіе четырьмя дивизіями, мы встрѣтили ихъ 26 баталіонами“ (т. II ч. 2 стр. 121, 122).

Изложеніе хода боевыхъ дѣйствій 1 и 2 іюня, на которыхъ и нарочно подробнѣе остановился, показываетъ, что если бы мы съумѣли

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1912 г.

только во время сосредоточить къ полю сраженія тѣ силы, которыя съ самаго начала предназначались въ составъ отряда ген. Штапельберга, то еще неизвѣстно, на чьей сторонѣ была бы побѣда, несмотря на крупныя тактическія ошибки, допущенныя нами въ вафангоускомъ бою.

Теперь приступаю къ болѣе подробной оцѣнкѣ всей операціи въ стратегическомъ отношеніи. Для этого постараюсь отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

- 1) Преслѣдовала ли задуманная операція дѣйствительно важную и реальную цѣль.
- 2) Было ли выбрано для нея удобное время.
- 3) Имѣлись ли налицо необходимыя средства, чтобы достигнуть поставленной цѣли.

Первый вопросъ—о поставленной цѣли, въ свою очередь, разбирается на два: а) заслуживалъ ли П.-Артуръ по своему значенію на театрѣ войны, чтобы ради него не вполне готовая еще М. армія перешла въ наступленіе, рискуя до извѣстной степени этимъ оказать неблагоприятное вліяніе на успѣхъ всей войны, б) была ли ему дѣйствительно необходима та помощь, которую полагали ему оказать высылкой отряда изъ состава М. арміи.

Несомнѣнно П.-Артуръ стоялъ того, чтобы изъ-за него рискнуть. Въ военномъ отношеніи онъ являлся убѣжищемъ нашего флота, который, пока П.-Артуръ держался, сохранялъ возможность угрожать морскимъ коммуникаціоннымъ линіямъ противника, а впоследствии, по прибытіи на Д. Востокъ Балтійской эскадры, могъ рассчитывать, совмѣстно съ нею, даже оспаривать у японскаго флота господство въ морѣ. Сочиненіе Англ. ген. штаба о войнѣ 1904—1905 г.г. признаетъ П.-Артуръ „пунктомъ наивысшаго стратегическаго значенія“ (вып. II стр. 2).

Въ политическомъ отношеніи значеніе П.-Артура было не менѣе велико. Изъ-за него въ сущности велась японцами вся война, т. е. отторженіе его въ 1895 г. отъ Японіи коалиціей державъ съ Россіей во главѣ и было источникомъ той смертельной невзгоды, которую съ тѣхъ поръ питалъ къ намъ японскій народъ. Взятіе П.-Артура было бы такимъ удовлетвореніемъ его національнаго самолюбія, что международный престижъ страны Восходящаго Солнца поднялся бы на значительную высоту, а нашъ въ такой же мѣрѣ упалъ. Это могло бы повлечь за собой вмѣшательство въ нашу распрю съ Японіей нашихъ многочисленныхъ иностранныхъ недоброжелателей и принудить насъ къ преждевременному заключенію мира. Возможность такого исхода предусматривалась еще до

разрыва и учитывалась при составленіи плана войны (т. I стр. 255, 257, 264 и др.).

Едва-ли въ отношеніи оцѣнки значенія Артура могло быть какое-нибудь различіе во взглядахъ Намѣстника—Главкома ведущаго и К-щаго М. арміей, но не такъ обстоило съ вопросомъ о необходимости для П.-Артура помощи.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, находясь въ П.-Артурѣ, адмиралъ Алексѣевъ уже сталъ питать нѣкоторыя опасенія, что японцы могутъ высадиться сразу въ большихъ силахъ на Квантунѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ П.-Артуромъ, и произвести отчаянную попытку, не считаясь съ потерями, овладѣть крѣпостью открытой силой или ускоренной атакой. Предположеніе о возможности такого образа дѣйствій противника основывалось на поступившихъ свѣдѣніяхъ о планахъ японской главной квартиры (т. II ч. 1 стр. 104) и казалось правдоподобнымъ: 1) въ виду пріобрѣтеннаго японцами дѣйствительно подавляющаго морского превосходства, благодаря нанесеннымъ нашему флоту 31 марта новымъ потерямъ, между тѣмъ, какъ поврежденія, понесенныя нашими судами въ ночь на 27 января, еще не были исправлены; 2) въ виду малопонятнаго промедленія японцевъ въ исполненіи того плана, который приписывался имъ какъ наиболее вѣроятный, а именно: сосредоточить подавляющія силы въ южной Маньчжуріи и бить ими по частямъ наши войска, по мѣрѣ ихъ подхода въ намѣченный районъ сосредоточенія.

Исходя изъ такого взгляда, ген.-ад. Алексѣевъ въ первой половинѣ апрѣля предлагалъ К-щему М. арміей быть готовымъ оказать П.-Артуру быструю и энергичную поддержку, въ случаѣ, если бы крѣпость подверглась атакѣ противника (т. II ч. 1 стр. 104). Это было еще до боя на Ялу, когда армія Куроки находилась въ 220 верстахъ отъ нашей линіи сообщеній, для достиженія которой ей предстояло совершить переправу черезъ большую рѣку на виду войскъ нашего Восточнаго отряда, и затѣмъ форсировать трудно проходимую горную мѣстность, лежащую между р. Ялу и жел. дорогой. При этомъ условіи опасность, угрожавшая нашей арміи съ востока, представлялась менѣе близкой и грозной сравнительно съ той, которая могла возникнуть для П.-Артура въ случаѣ высадки въ южной части Квантуна 8—10 японскихъ дивизій (т. II ч. 1, стр. 102) съ цѣлью овладѣнія Портъ-Артуромъ по что бы то ни стало. Въ М. арміи въ это время насчитывалось около 75 бат. пѣхоты съ болѣе чѣмъ 200 орудіями; къ нимъ въ короткое время могли присоединиться еще 12 баталіоновъ 1. Сибирской пѣх. дивизіи, которые были задержаны въ Харбинѣ.

Когда началась высадка II японской арміи въ сѣверной части Квантунской области, опасенія за П.-Артуръ должны были уменьшиться, т. е. для достиженія крѣпости японцамъ приходилось предварительно овладѣть подготовленной Цзиньчжоуской позиціей, и отрядъ, назначенный для ея обороны, уже не рисковалъ быть отрѣзаннымъ отъ П.-Артура, а, напротивъ, влившись въ общій гарнизонъ крѣпости, усиливалъ его до 30 баталіоновъ пѣхоты. Но т. е. къ этому времени армія Куроки успѣла переправиться черезъ Ялу, нанеся серьезное пораженіе Восточному отряду, то опасность для М. арміи съ востока казалась усилившейся и заставила отнестись съ осторожностью къ вопросу о выдѣленіи значительныхъ силъ къ югу для выручки П.-Артура. Въ виду такихъ соображеній, Намѣстникъ 24 апрѣля уже не требовалъ отъ К-щаго арміей оказанія активной поддержки П.-Артуру, а признавалъ достаточнымъ ограничиться высылкой небольшого отряда съ демонстративной цѣлью по направленію къ ст. Пуландянъ ¹⁾. Отрядъ этотъ, будучи высланъ подъ начальствомъ ген.-м. Зыкова, въ составѣ 4 б-новъ, 3 эск. и сот. и 4 орудій, въ дѣйствительности до Пуландяня не дошелъ, а остановился у ст. Вафандянь (т. VIII ч. 1 стр. 160), но возможно, что его присутствіе отсрочило перерывъ сообщеній съ П.-Артуромъ и позволило провезти въ крѣпость нѣсколько повоздовъ съ запасами. Вышеизложенное объясняетъ, почему въ письмѣ К-щему арміей отъ 28 апрѣля (т. II ч. 1, стр. 276—277) Намѣстникъ не высказываетъ (какъ то подчеркивается въ трудѣ комиссіи) опасеній за судьбу П.-Артура; это тѣмъ болѣе понятно, что въ указанномъ письмѣ онъ исходитъ изъ предположенія, что противъ М. арміи будутъ дѣйствовать двѣ японскія арміи, а противъ П.-Артура только одна.

Намѣренія Командующаго I японской арміей послѣ боя у Тюренчена оставались пока невыясненными и казалось вѣроятнымъ, что японцами уже подготовлено все необходимое для безостановочнаго, послѣ переправы, наступленія, которое едва-ли могло бы встрѣтить серьезное сопротивленіе со стороны разстроеннаго неудачнымъ боемъ у Ялу Восточнаго отряда ²⁾.

¹⁾ См. схему № 1.

²⁾ Къ сожалѣнію, впечатлѣніе, произведенное на нашъ высшій начальствующій персоналъ въ Маньчжуріи неудачей на Ялу и началомъ высадки японцевъ на Квантунь, было гораздо сильнѣе, чѣмъ эти два эпизода по существу заслуживали. Явилось безпокойство за возможность быстрого наступленія японцевъ къ району нашего сосредоточенія и опасеніе за разброску нашихъ войскъ, ближайшимъ послѣдствіемъ чего была, невужная по обстановкѣ, оттяжка I. Сиб. корпуса (расположеннаго въ качествѣ Южнаго

Но время шло, а армія Куроки не двигалась. Свѣдѣнія, полученные въ первыхъ числахъ мая, сводились къ тому, что I армія сосредоточивается къ Фыхуанчену, оттянувъ въ окрестности этого города свои, выдвинутыя было, передовыя части (Сводки и т. д. стр. 25). Предположеніе о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ противника въ Южной Маньчжуріи, казавшееся въ началѣ войны наиболее правдоподобнымъ, потеряло значительную долю своего вѣроятія; въ то же время стали опять съ настойчивостью повторяться свѣдѣнія, что главнымъ объектомъ дѣйствій японцы поставили себѣ П.-Артуръ, рѣшивъ овладѣть имъ во что бы ни стало (Сводки стр. 15, 16, 17).

Къ 1 мая въ районѣ нашего сосредоточенія въ Южной Маньчжуріи находилось уже 85³/₄ бат., 60 эск. и сот., 218 орудій и 17 инженер. ротъ (т. II ч. I стр. 199); въ теченіе мая долженъ былъ прибыть 4. Сибирскій корпусъ, доведя силы арміи до 118 баталіоновъ пѣхоты. Тѣмъ временемъ и Восточный отрядъ успѣлъ оправиться отъ понесеннаго пораженія и приготовиться къ отпору на перевалахъ Фынсяолинъ (Фынъшуйлинъ) и Модулинъ, на пути наступленія противника къ Ляояну. Новая остановка послѣ запатія Фыхуанчена указывала или на неготовность I японской арміи къ наступленію, или на выжиданіе ею высадки на материкѣ остальныхъ японскихъ силъ для совмѣстныхъ дѣйствій; при этомъ условіи моментъ представлялся благопріятнымъ для перехода Маньчжурской арміи въ наступленіе, пользуясь ея внутреннимъ положеніемъ относительно двухъ группъ противника—одной, перешедшей р. Ялу и другой, высадившейся у Бицзыво,—съ цѣлью нанесенія одной изъ нихъ отдѣльнаго пораженія. Въ такомъ смыслѣ была составлена въ штабѣ Намѣстника и представлена 6 мая г.-ад. Алексѣеву записка, о которой сказано выше. За проектированнымъ наступленіемъ, помимо достиженія имъ указанной стратегической цѣли, признавалось и значеніе фактора, могущаго освѣтить неопредѣленную для насъ обстановку театра войны, а также благопріятно отразиться на духѣ нашихъ войскъ. Проектъ былъ одобренъ адмираломъ Алексѣевымъ, который вообще былъ сторонникомъ рѣши-

авангарда въ районѣ Пакоу-Гайчжоу-Сеньюченъ-Ташичао), къ Хайчену и Айсянцзяну, въ ущербъ связи съ П.-Артуромъ и плану его выручки впоследствии. Мало того, были отозваны и вышеупомянутый отрядъ ген. Зыкова и даже его конница, выдвинувшаяся въ направленіи къ Пуландию, чѣмъ мы добровольно лишили себя чрезвычайно важнаго въ данномъ случаѣ соприкосновенія съ южной группой противника и бросили на произволъ судьбы участки жел. дороги Вафангоу-Гайчжоу, который 2—3 недѣли спустя пришлось снова приводить въ порядокъ для перевозки войскъ и въ качествѣ коммуникаціоннаго пути.

тельныхъ дѣйствій, въ особенности въ отношеніи японцевъ (т. II ч. 2 стр. 122). Но не признавая въ то время, чтобы положеніе П.-Артура требовало *немедленной* выручки или поддержки, Намѣстникъ расширилъ рамки предполагаемаго наступленія, допуская возможность дѣйствій М. арміи не только противъ южной, но вообще противъ любой изъ двухъ большихъ группъ противника. Въ этомъ смыслѣ было написано К-щему арміей письмо отъ 8 мая, въ которомъ Намѣстникъ, подчеркнувъ важное значеніе для насъ сохраненія П.-Артура, какъ базы и убѣжища флота, заканчивающаго исправленіе нанесенныхъ ему поврежденій, между тѣмъ, какъ непріятельскій флотъ только-что понесъ серьезныя потери (потопленіе двухъ броненосцевъ 2 мая)—*признавалъ минуту вполне благоприятной для перехода М. арміи къ активнымъ дѣйствіямъ*. Послѣднія по мнѣнію г.-ад. Алексѣева могли выразиться въ одномъ изъ слѣдующихъ способовъ: а) сначала разбить восточную группу японцевъ, послѣ чего двинуться на помощь П.-Артуру. б) перейти въ наступленіе прямо противъ южной группы противника, въ каждомъ изъ этихъ случаевъ, противъ группы противника, не являвшейся непосредственнымъ объектомъ дѣйствій, долженъ былъ быть выставленъ достаточной силы заслонъ. Выборъ изъ указанныхъ двухъ способовъ дѣйствій предоставлялся К-щему арміей. Въ этомъ письмѣ интересно указаніе, что энергичныя дѣйствія ген. Ренненкампа на правомъ флангѣ I яп. арміи, между прочимъ, произвели удручающее впечатлѣніе въ Японіи. Дошедшее объ этомъ до Намѣстника свѣдѣніе очевидно являлось отголоскомъ тѣхъ упомянутыхъ выше опасеній, которыя существовали въ арміи Куроки за сообщенія съ Кореей, угрожаемая, по мнѣнію японскаго начальства, Ренненкампомъ (т. II ч. 1 стр. 286—287). Письмо Намѣстника было передано г.-ад. Куропаткину 10 мая посланнымъ къ нему для личныхъ переговоровъ начальникомъ полевого штаба Намѣстника г.-л. Жилинскимъ.

Взглядъ близкій къ тому, котораго держался Намѣстникъ относительно положенія дѣлъ на театрѣ войны къ началу мая, высказывалъ также и тогдашній Военный Министръ. На телеграммѣ К-щаго М. арміей отъ 29 апрѣля, которой г.-ад. Куропаткинъ сообщалъ о своихъ распоряженіяхъ, покойный г.-ад. Сахаровъ написалъ, между прочимъ, слѣдующее:... „Вмѣсто того чтобы сосредоточить значит. силы, взять починъ въ свои руки, мы подчиняемся волѣ японцевъ, оставляя имъ свободу приводить безпрепятственно ихъ планы въ исполненіе; они будутъ ожидать подхода подкрѣпленій, а мы будемъ относиться къ этому пассивно, не пользуясь опасностью ихъ выдвинутого положенія пока съ сравнительно незначительными силами“...

Въ то время, какъ Намѣстникъ, а судя по приведенной вы-

держкѣ и Военный Министръ, считали переходъ въ наступленіе Маньчжурской арміи вполне своевременнымъ, К-щій этой арміей проявлялъ тенденцію скорѣе противоположнаго свойства. Это выразилось въ многочисленныхъ заявленіяхъ г.-ад. Куропаткина, встречающихся въ его служебной перепискѣ съ адмираломъ Алексѣевымъ, изъ которой вообще явствуетъ, что главною цѣлью К-щій арміей ставилъ себя удержаться въ районѣ сосредоточенія, а въ случаѣ наступленія превосходящихъ силъ противника—отходить далѣе на сѣверъ (т. II ч. I, стр. 208). Такъ, между прочимъ, въ отвѣтъ на вышеупомянутое письмо отъ 28 апрѣля (стр. 276—277), въ которомъ ген.-ад. Алексѣевъ высказывалъ довольно бодрый взглядъ на общее положеніе, считая, что въ Южной Маньчжуріи мы въ состояніи оказать отпоръ противнику, ген.-ад. Куропаткинъ отвѣтилъ пессимистически настроенной депешей, въ которой указывалось на возможность отступленія даже за Тѣлинь. То же, въ еще болѣе категорической формѣ, повторено въ депешѣ отъ 30 апрѣля, написанной подъ вліяніемъ преувеличенныхъ донесеній о дѣйствіяхъ хункузовъ на нашихъ коммуникаціонныхъ линіяхъ¹⁾. Конечно при такихъ условіяхъ предложеніе Намѣстника о переходѣ М. арміи къ активнымъ дѣйствіямъ не могло встрѣтить сочувствія К-щаго М. арміей. Признавая наступленіе противъ Куроки въ данное время практически неосуществимымъ, генералъ Куропаткинъ считалъ движеніе въ П.-Артуру стратегически опаснымъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ большая увѣренность, что главныя усилія японцевъ направлены именно на П.-Артуръ. Въ дневникѣ г.-ад. Куропаткина приведенные наступательные планы Намѣстника были охарактеризованы крылатымъ выраженіемъ „авантюристической стра-

¹⁾ Оспаривая такой взглядъ К-щаго арміей, Намѣстникъ 3 мая (т. II ч. I, стр. 278) указалъ ген.-ад. Куропаткину, что отступленіе наше вглубь Маньчжуріи, должно, между прочимъ, повести къ отсрочкѣ выручки П.-Артура, который, по мнѣнію Намѣстника, „едва-ли въ состояніи продержаться болѣе 2—3 мѣсяцевъ“. На этомъ основаніи г.-ад. Алексѣевъ находилъ необходимымъ дать японцамъ рѣшительный отпоръ, не отступая изъ района сосредоточенія арміи у Ляояна, и направлялъ включенія К-щаго арміей по этому предмету. Такимъ образомъ въ депешѣ отъ 3 мая были подняты вопросы не объ активной выручкѣ П.-Артура, какъ утверждаетъ трудъ В.-П. комиссіи (стр. 279), а объ оказаніи японцамъ отпора при настоящемъ положеніи арміи, что ясно видно изъ текста телеграммы („при расположеніи арміи у Ляояна, каждый успѣхъ нашъ надъ японцами на горныхъ перевалахъ и Ляохэйской равнинѣ отразится невыгодно на операціяхъ японцевъ подъ П.-Артуромъ, вызоветъ опасеніе ихъ за свой тылъ и облегчитъ оборону крѣпости“). Слабая же обороноспособность П.-Артура была приведена только какъ доводъ, подтверждающій мнѣніе о невыгодности отступленія вглубь Маньчжуріи.

тегін“ (стр. 288). Въ отвѣтномъ письмѣ г.-ад. Алексѣеву отъ 14 мая, К-щій арміей заявлялъ, что для принятія опредѣленныхъ рѣшеній у насъ недостаетъ главныхъ данныхъ — *гдѣ будутъ находиться главныя силы японцевъ и какой окончательно планъ они примутъ* (стр. 290). Относительно наступленія къ югу въ этомъ письмѣ высказывалось, что выдѣлить для этой цѣли болѣе 24-хъ баталіоновъ невозможно; если же опредѣлится, что у Дагушана высадились значительныя силы и не получится новыхъ данныхъ, что противъ П.-Артура дѣйствуютъ большія силы, чѣмъ тѣ, которыя тамъ высадились, то выдѣлять для похода на П.-Артуръ корпусъ указанной силы весьма опасно.

Ко времени полученія Намѣстникомъ письма ген.-ад. Куропаткина у насъ еще не было извѣстно о взятіи японцами 13 мая Цзяньчжоуской позиціи; свѣдѣніе объ этомъ боѣ получилось только 16 мая.

Какъ видно, отмѣченное разногласіе въ мнѣніяхъ старшихъ начальниковъ нашихъ вооруженныхъ силъ на Дальнемъ Востокѣ зависѣло, между прочимъ, отъ разницы во взглядахъ на силы противника и на группировку его войскъ. Въ то время, какъ Намѣстникъ послѣ совершившейся высадки у Бизцыво признавалъ, что большая часть ($\frac{2}{3}$) вооруженныхъ силъ противника уже находится на материкѣ, и что выяснившаяся группировка нѣкъ даетъ основаніе къ принятію опредѣленнаго рѣшенія, при чемъ не допускалось, чтобы противникъ имѣлъ надъ нами матеріальное или моральное превосходство (т. II, ч. 1, стр. 285), Командующій арміей, напротивъ, считалъ, что направленіе $\frac{1}{2}$ — $\frac{2}{3}$ японскихъ вооруженныхъ силъ еще не опредѣлилось и что, предпринимая при этихъ условіяхъ какой-нибудь опредѣленный планъ, сопряженный съ удаленіемъ отъ раіона сосредоточенія, мы подвергаемъ себя возможнымъ ударамъ со стороны японскихъ силъ, могущихъ быть выброшенными (благодаря господству въ морѣ) въ любомъ пунктѣ побережій Ляодунскаго и Корейскаго заливовъ, при чемъ, какъ уже отмѣчалось выше, относительно численности противника у Командующаго арміей всегда была тенденція къ преувеличенію ¹⁾. Но предположеніе, что японцы могутъ направить главный ударъ на П.-Артуръ, ген.-ад. Куропаткинымъ вообще не отрицалось, и иногда онъ

¹⁾ Напр., мнѣніе, что со стороны Ялу и Дагушана угрожаютъ 8 японскихъ дивизій (стр. 339). Въ письмѣ Намѣстнику отъ 26 мая, ген.-ад. Куропаткинъ оцѣниваетъ эти силы въ 70—90 тысячъ (т. II, ч. 1. Приложение № 31, стр. 103). Между тѣмъ во всѣхъ трехъ японскихъ арміяхъ, сосредоточенныхъ *въ августъ* къ Ляояну, насчитывалось всего 112 т. (т. III, ч. 2, стр. 270).

признавалъ за этимъ предположеніемъ даже значительную долю вѣроятія, какъ видно напр. изъ записки его на имя начальника штаба арміи отъ 13 мая, въ которой, на основаніи вновь полученныхъ свѣдѣній о противникѣ, Командующій арміей признавалъ необходимымъ послѣдить начинаніями по оказанію помощи Артуру (т. II, ч. 1, стр. 305). Подобнымъ же образомъ въ телеграммѣ на имя командира 1. Сиб. корпуса отъ 26 мая Командующій арміей считаетъ *маловѣроятнымъ*, чтобы главной цѣлью дѣйствій японцевъ была Маньчжурская армія (т. II, ч. 1, стр. 367). Но для того, чтобы приступить къ рѣшительному осуществленію операціи по выручкѣ П.-Артура, цѣлесообразности которой ген.-ад. Куропаткинъ принципиально не отрицалъ, онъ желалъ видѣть обстановку настолько разъясненной, чтобы не было никакихъ сомнѣній относительно безопасности движенія отряда на югъ. Въ данное же время (около половины мая) обстановка казалась Командующему арміей еще настолько темной, что заставляла даже считаться, какъ было указано выше, съ возможностью отступленія арміи къ Тѣлину и далѣе, о чемъ ген.-ад. Куропаткинъ упоминаетъ въ письмѣ Намѣстнику отъ 11 мая (стр. 285).

Но вотъ 13 мая произошло событіе, которое снова возбудило у ген.-ад. Алексѣева усиленные опасенія за участь Портъ-Артура. По первоначальнымъ свѣдѣніямъ о боѣ у Цзиньчжоу въ немъ со стороны японцевъ приняла участіе три дивизіи. Укрѣпленная позиція, вооруженная орудіями крѣпостныхъ калибровъ и защищаемая цѣлой дивизіей, — позиція, которая признавалась надежнымъ запоромъ къ воротамъ П.-Артура, пала послѣ двухдневныхъ атакъ японской арміи. Свѣдѣнія объ этомъ боѣ, полученные изъ нейтральныхъ источниковъ, единогласно свидѣтельствовали о крайнемъ ожесточеніи атакъ и о громадныхъ потеряхъ, понесенныхъ японцами.

Въ то время еще не было известно, что Цзиньчжоуская позиція оборонялась въ сущности однимъ только полкомъ изъ отряда ген. Фока.

Вопросъ о выручкѣ П.-Артура послѣ 13 мая становился еще болѣе труднымъ, такъ какъ надобность въ помощи увеличилась, а возможность оказанія ея затруднилась переходомъ Цзиньчжоускаго перешейка въ руки противника. При этомъ условіи, разъ выручка признавалась необходимой, надо было съ ней торопиться, пока противникъ не утвердился окончательно на Цзиньчжоускомъ перешейкѣ. Но еще важнѣе матеріальныхъ послѣдствій побѣды японцевъ были ея моральные результаты: главное начальство Квантунскаго укрѣпленнаго района въ лицѣ ген. Стесселя пало духомъ и утратило вѣру въ способность крѣпости оказывать дѣ-

тельное сопротивленіе такому противнику, какъ японцы, которые, судя по бою 13 мая, не стѣснялись завалить трупами своихъ солдатъ какія угодно искусственныя препятствія, чтобы сдѣлать ихъ проходимыми для штурмовыхъ колоннъ. Въ періодъ съ 13 по 15 мая генераломъ Стесселемъ было отправлено нѣсколько депешъ (полученныхъ въ Ляоянѣ 18 мая), въ которыхъ положеніе П.-Артура рисовалось въ мрачномъ видѣ. Начальникъ Квантунскаго укрѣпленнаго района высказывалъ категорическое мнѣніе, что главный ударъ японцевъ направляется именно на него, и что для облегченія его положенія необходима „немедленная и очень сильная, не менѣе трехъ дивизій, съ дивизіей кавалеріи, помощь; потомъ будетъ поздно; здѣсь, заключалъ Стессель, кончится все...“ (Т. VIII, ч. 1, стр. 290).

21 мая въ армію прибыли два офицера, посланные изъ П.-Артура съ порученіемъ доложить Командующему арміей о тревожномъ недостаткѣ въ крѣпости артиллерійскихъ снарядовъ и мяса, а также что П.-Артуру требуется немедленная помощь въ размѣрѣ 3½—4 дивизій (т. II, ч. 1, стр. 338).

Къ донесеніямъ Стесселя Намѣстникъ и Командующій арміей отнеслись различно. Ген.-ад. Куропаткинъ выразилъ сомнѣнія въ томъ, чтобы положеніе П.-Артура было таково, какъ его рисовалъ ген. Стессель; между прочимъ ген.-ад. Куропаткинъ указывалъ на нѣкоторыя явныя преувеличенія (въ отрицательную сторону) въ отношеніи недостатка въ крѣпости снарядовъ и продовольствія, допущенныя Стесселемъ въ его донесеніи, и выражалъ мнѣніе, что П.-Артуръ можетъ продержаться столько времени, насколько хватитъ продовольствія. Ободряя своего упавшаго духомъ подчиненнаго, Командующій арміей, по поводу просьбы о помощи, высказывалъ, что П.-Артуру нужна выручка, а не пораженіе Маньчжурской арміи по частямъ (т. II, ч. 1, стр. 336).

Что касается ген.-ад. Алексѣева, то въ донесеніяхъ изъ П.-Артура онъ усмотрѣлъ подтвержденіе своего взгляда относительно необходимости оказанія крѣпости немедленной помощи. Еще 18 мая онъ телеграфировалъ Командующему арміей о безотлагательномъ приступѣ къ выполненію операціи по выручкѣ П.-Артура (т. II, ч. 1, стр. 296). 22 мая была снова послана телеграмма Командующему арміей, въ которой, высказывая свое мнѣніе, что для овладѣнія П.-Артуромъ японцы, вѣроятно, не остановятся ни передъ какими усиліями и потерями и что изъ М. арміи для операціи на югъ можно безъ особаго риска направить 48 баталіоновъ, Намѣстникъ просилъ отзыва Командующаго арміей по вопросу о немедленной выручкѣ П.-Артура указанными силами. Положеніе у Ляояна

ген.-ад. Алексѣевъ въ этой депешѣ охарактеризовалъ, какъ „прочное“ (т. II, ч. 1, стр. 387).

По поводу указаннаго различія въ мнѣніяхъ относительно своевременности или несвоевременности перехода арміи въ маѣ 1904 года къ активнымъ дѣйствіямъ для выручки П.-Артура, въ письмахъ ген.-ад. Куропаткина и его отчетѣ, а также въ нѣкоторыхъ появившихся въ печати трудахъ другихъ авторовъ высказывалось осужденіе по адресу ген.-ад. Алексѣева, который, будто бы, подъ впечатлѣніемъ нѣсколькихъ неудачъ, испытанныхъ нашими войсками и флотомъ въ первые мѣсяцы кампаніи, отъ преувеличенной оцѣнки силы П.-Артура перешелъ въ самое короткое время къ диаметрально противоположному взгляду на обороноспособность крѣпости и благодаря этому безъ надобности вовлекъ Маньчжурскую армію въ вафягоускую „авантюру“, между тѣмъ, какъ П.-Артуръ послѣ того продержался еще почти семь мѣсяцевъ.

Дѣйствительно, въ февралѣ мѣсяцѣ Намѣстникъ во всеподданнѣйшей депешѣ высказывалъ взглядъ, что „ускоренная атака П.-Артура не обѣщаетъ японцамъ успѣха“, 3 мая предполагалъ возможнымъ сопротивленіе П.-Артура осадѣ, но лишь въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ, а во второй половинѣ мая уже не признавалъ его обезпеченнымъ даже отъ атаки открытой силой (т. II, т. 1, стр. 343). Такія колебанія во взглядахъ адмирала Алексѣева на обороноспособность крѣпости ген.-ад. Куропаткинъ приписываетъ вліянію тревожныхъ донесеній Стесселя, въ которыхъ отразился упадокъ духа этого генерала.

О возможномъ вліяніи упадка духа ген. Стесселя на Намѣстника, а также и на силу сопротивленія самого П.-Артура, я скажу впоследствии, теперь же постараюсь выяснитъ, что и помимо этого фактора событія первыхъ мѣсяцевъ войны могли дѣйствительно постепенно вызвать сомнѣнія относительно способности Квантунскаго укрѣпленнаго района съ П.-Артуромъ включительно оказатъ противнику то сопротивленіе, которое отъ него ожидалось по предварительнымъ расчетамъ мирнаго времени.

Дѣло въ томъ, что до войны 1904—1905 гг. преобразованная японская армія не имѣла случая проявить во всей полнотѣ свои боевыя качества. Въ обѣихъ предыдущихъ войнахъ 1894—1895 гг. и 1900 г. японцы, хотя и дрались храбро и выказали основательную подготовку во всѣхъ отрасляхъ военнаго дѣла, но, имѣя и въ томъ и въ другомъ случаѣ противникомъ нестройныя полчища китайцевъ, они не могли дать для посторонняго наблюдателя необходимыхъ данныхъ, чтобы судить, каковы они будутъ, когда встрѣтятся лицомъ къ лицу съ европейскимъ противникомъ.

Въ I томѣ труда Военно-Историч. комиссіи приведены отзывы многихъ лицъ, изслѣдовавшихъ вопросъ о достоинствахъ японской арміи; отзывы эти вообще очень разнорѣчны: есть между ними крайне пренебрежительные, рисующіе армію микадо чуть не въ каррикатурномъ видѣ, есть другіе, которые вполне приравниваютъ японскія войска къ ихъ европейскимъ собратіямъ. Вообще же говоря, среди нашихъ начальствующихъ лицъ и войскъ, расположенныхъ на Дальнемъ Востока, преобладалъ взглядъ на японцевъ, какъ на серьезнаго противника, усвоившаго себѣ все лучшее, что можно найти въ европейскихъ войскахъ, но въ характерѣ ихъ скорѣе склонны были видѣть методичность и осторожность; въ отношеніи военной мысли — нѣкоторую инертность, зависимость отъ германскихъ вліяній, вообще недостатокъ самостоятельности, въ отношеніи же воинскаго духа — отдавая должное личной храбрости и преданности долгу японскаго солдата и офицера, — мало склонны были ожидать отъ нихъ въ массѣ особенно высокаго одушевленія. Въ частности, что касается дѣйствій въ сферѣ крѣпостей, предполагали въ нашемъ будущемъ противникѣ скорѣе тенденцію къ осторожнымъ и медленнымъ способамъ дѣйствій; мнѣніе это въ первыя недѣли войны находило себѣ подтвержденіе въ томъ, что японцы, хотя и приобрѣли сразу господство въ морѣ, не воспользовались однако этимъ преимуществомъ и неготовностью П.-Артура, чтобы попытаться атаковать его открытой силой. Но дальнѣйшія событія были таковы, что могли поколебать мнѣніе о японцахъ, какъ объ осторожномъ и не склонномъ рисковать противникѣ: отчаянныя попытки запереть входъ въ гавань П.-Артура посредствомъ брандеровъ, для чего надо было имѣть контингентъ людей, готовыхъ идти на вѣрную смерть, — высокое одушевленіе, съ которымъ сражались японцы въ бояхъ на Ялу и подъ Цзиньчжоу, особенно въ послѣднемъ, гдѣ они въ короткое время понесли громадныя потери (13—14% всего состава арміи)¹⁾, а также и другіе факты первыхъ мѣсяцевъ войны — все это указывало на такой высокій подъемъ духа, на такую популярность войны съ Россіей въ народныхъ массахъ, что предположеніе объ использованіи главной квартирой этого настроенія для самыхъ рискованныхъ военныхъ предпріятій, въ родѣ овладѣнія П.-Артуромъ ускоренной атакой или посредствомъ штурма, стало приобретать значительное вѣроятіе, тѣмъ болѣе, что вообще создавшаяся за первые 3—4 мѣсяца войны об-

¹⁾ Убитыми и ранеными 133 оф. и 4.071 нижн. чиновъ, всего около 4.200 чел. на 30—32 тысячи, принимавшихъ участіе въ бою (А. Свѣчинъ, стр. 87 и 88).

становка заставляла, казалось, нашего противника торопиться нанесеніемъ намъ рѣшительнаго удара, который могъ бы служить поводомъ для иностраннаго вмѣшательства и начала переговоровъ о мирѣ.

Если бы П.-Артуръ на самомъ дѣлѣ представлялъ крѣпость въ настоящемъ значеніи этого слова, пунктъ дѣйствительно *технически* обезпеченный отъ атаки открытой силой, то можно бы и при вновь открывшихся о противникѣ данныхъ не особенно беспокоиться за его участь въ ближайшіе мѣсяцы, но какъ видно изъ отзывовъ ген.-ад. Алексѣева въ всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ и въ предъидущей перепискѣ съ ген.-ад. Куропаткинымъ (т. II, ч. 1, стр. 51, 348) основаніемъ для признанія П.-Артура обезпеченнымъ отъ покушеній противника являлось не столько его техническое оборудованіе, сколько стойкость и доблесть защитниковъ крѣпости.

Если затѣмъ внимательно проанализировать послѣдующіе факты, то окажется, что едва-ли Намѣстникъ особенно ошибался, допуская возможность близкаго паденія крѣпости въ случаѣ избранія ея главнымъ объектомъ дѣйствій противника тотчасъ же послѣ Цзиньчжоускаго боя. Не надо забывать, что сила сопротивленія П.-Артура до войны опредѣлялась, исходя изъ предположенія, что непріятель не пріобрѣтетъ господства въ водахъ, омывающихъ Ляодунскій полуостровъ. При этомъ условіи подходъ осадной арміи къ Кванскому укрѣпл. району долженъ былъ проивойти сухимъ путемъ, со всѣми сопряженными съ этимъ способомъ неудобствами и потерей времени, имѣя далѣе въ перспективѣ, ранѣе достиженія собственно Артура, овладѣть безъ содѣйствія флота укрѣпленной Цзиньчжоуской позиціей.

Въ дѣйствительности противникъ высаждался въ разстояніи какихъ-нибудь двухъ переходовъ отъ Цзиньчжоу; послѣ двухдневнаго боя, съ помощью флота, овладѣлъ позиціей на перешейкѣ, чѣмъ открылъ себѣ доступъ къ Талиенванскому заливу съ портомъ Дальнимъ и возможностью, вмѣсто длительной сухопутной перевозки, быстро подвезти къ своей осадной арміи многочисленную артиллерию крупныхъ калибровъ.

Владѣя Цзиньчжоу и моремъ, противникъ, какъ казалось, могъ, демонстрируя противъ того или другаго изъ сухопутныхъ фронтовъ крѣпости и привлекая на себя большую часть гарнизона, выбросить въ одной изъ бухтъ Квантунскаго побережья новый сильный десантъ, который быстро двинуть противъ какой-нибудь слабой точки длиннаго сухопутнаго обвода крѣпости. Напомню, что послѣ 31 марта у насъ оставалось только два неповрежденныхъ броненосца (т. II, ч. I, стр. 107) и ко второй половинѣ мая поврежденія

судовъ еще не были исправлены¹⁾, хотя и у японцевъ выбыли 2 мая два броненосца (Хацусе и Яшима), но намъ достоверно известна была гибель только одного изъ нихъ.

Въ бояхъ у Тюречена и Цзяньчжоу, особенно послѣднемъ, японцы показывали, что они не считаются ни съ какими потерями; при этомъ условіи овладѣніе неготовой крѣпостью открытой силой не казалось невозможнымъ. Что сами японцы считали этотъ способъ наиболѣе цѣлесообразнымъ, видно изъ того, что они дѣйствительно къ нему прибѣгли 2½ мѣсяца спустя; что они не сомнѣвались въ успѣхѣ такой атаки, усматривается изъ хвастливаго заявленія генерала Ноги, сдѣланнаго 6 августа иностраннымъ корреспондентамъ, что въ ближайшіе дни они будутъ свидѣтелями паденія Портъ-Артура (А. Свѣчинъ, стр. 273); что японцы въ дѣйствительности были близки къ успѣху въ послѣдній день атаки (10 августа) доказывается тѣмъ, что отбитіемъ штурма, несмотря на всю проявленную войсками доблесть, мы обязаны были случайнымъ факторамъ (тамъ же, стр. 285). Въ общемъ резервъ крѣпости у насъ въ этотъ день былъ *одинъ баталіонъ*, на восточномъ же фронтѣ *весь резервъ былъ израсходованъ*. И все-таки, несмотря на неудачу всего штурма въ совокупности, японцы одержали нѣсколько частныхъ успѣховъ. Въ августовскихъ штурмахъ со стороны японцевъ участвовало три дивизіи и двѣ резервныя бригады, всего около 54 баталіоновъ (А. Свѣчинъ, стр. 269); гарнизонъ крѣпости, хотя со времени Цзяньчжоускаго боя и повесъ нѣкоторыя потери въ людяхъ въ пѣхотныхъ частяхъ, но взамѣнъ того усилился морскими командами; артиллерійское вооруженіе крѣпости усилилось снятыми съ судовъ орудіями, фортификаціонная готовность увеличилась²⁾. Такъ какъ ко времени Цзяньчжоускаго боя въ Маньчжуріи было только четыре японскія дивизіи, то не было ничего невозможнаго въ предположеніи, что на Квантунѣ могло быть высажено 6—8 дивизій; это нисколько не противорѣчило и свѣдѣніямъ о мобилизаціонной готовности и транспортныхъ средствахъ противника, которыми мы располагали. Оставивъ въ качествѣ за-

¹⁾ Исправленія были окончены къ 1 юня (т. VIII, ч. I, стр. 334).

²⁾ Между прочимъ были укрѣплены сыгравшія видную роль въ оборонѣ Портъ-Артура горы: Высокая, Угловая и Дивизионная (т. VIII, ч. I, стр. 327). Бывшій комендантъ Портъ-Артура генераль Смирновъ въ своемъ послѣднемъ словѣ Верховному суду заявилъ, что отвлеченіе арміи Оку отъ Квантуна, благодаря нашей диверсіи къ Вафангоу, дало крѣпости выигрышъ времени въ два мѣсяца, *позволившей подготовить Портъ-Артуръ къ оборонѣ*. (Дѣло о сдачѣ крѣпости Портъ-Артуръ. Отчетъ, составленный подъ редакціей В. А. Апушкина, издавіе 1908 г. стр. 454, Курсивъ мой).

слона на Цзиньчжоускомъ перешейкѣ 1—2 дивизіи, они для атаки Портъ-Артура, какъ казалось, могли располагать 5—6 дивизіями. И въ самомъ дѣлѣ, японцы къ концу мая имѣли на Ляодунскомъ полуостровѣ шесть дивизій (1., 3., 4., 5., 6. и 11.), изъ коихъ пять возможно было назначить для атаки Портъ-Артура; но едва-ли что-нибудь могло помѣшать притянуть туда же въ случаѣ надобности еще одну—двѣ дивизіи изъ числа трехъ, находившихся въ то время въ Японіи (7., 8. и 9.). Духъ японцевъ въ августѣ и май былъ одинаково высокъ, между тѣмъ, какъ у насъ начальство укрѣпленнаго района и крѣпости, которое послѣ Цзиньчжоускаго боя до такой степени растерялось, что готово было безъ боя уступить японцамъ выгодныя позиціи „на перевалахъ“ и „Зеленая горы“ (А. Свѣчинъ, стр. 99), въ августу замѣтно воспряло духомъ; также и гарнизонъ успѣлъ оправиться послѣ понесенной въ май неудачи и нѣсколько закалиться въ бояхъ на передовыхъ позиціяхъ.

Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что едва-ли ген.-ад. Алексѣевъ ошибался, высказывая въ письмѣ К—щему М. арміей отъ 22 мая, что ген. Стессель въ своихъ донесеніяхъ даетъ вѣрную оцѣнку общаго положенія Портъ-Артура (т. II, ч. I, стр. 337). Но если даже допустить, что Стессель грубо ошибался въ оцѣнкѣ матеріальныхъ данныхъ обстановки, то одно несомнѣнно явствовало изъ его донесенья, а именно, что самъ онъ палъ духомъ и утратилъ вѣру въ возможность отстоять ввѣренную ему крѣпость. При этомъ условіи можно ли было оставаться спокойнымъ за участь Портъ-Артура, хотя бы обороняемаго самыми доблестными войсками?

Не даромъ личности коменданта крѣпости приписывается такое исключительно важное значеніе. „Лучше, говорили древніе, стадо барановъ, предводимое львомъ, чѣмъ стадо львовъ, предводимое бараномъ“. Вспомнимъ только, что 17 дней спустя послѣ гибели генерала Ковдратенко, единогласно признаннаго душою защиты Портъ-Артура, крѣпость, несмотря на предшествовавшую доблестную оборону, была сдана японцамъ, когда еще не были истощены всѣ средства обороны. Можно ли предсказать, что бы было, если бы этотъ богатырь палъ четыремя мѣсяцами раньше, что являлось однако простою случайностью? Такое значеніе личности въ успѣхѣ обороны крѣпости признаетъ и г.-ад. Куропаткинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Намѣстнику, относящемся къ концу мая. Онъ пишетъ: „нѣтъ такой твердыни, которая могла бы устоять противъ энергичнаго и храбраго противника, если вѣра въ возможность отстоять эту твердыню исчезла изъ сердца начальника и если недовѣріе къ своимъ силамъ и преувеличенное мнѣніе о силѣ про-

тивника сообщилось отъ начальника войскамъ. Такъ было съ Карсомъ, съ Измаиломъ¹⁾. Но если г.-ад. Куропаткинъ въ этомъ мнѣніи не расходился съ Намѣстникомъ, и ово дѣйствительно соотвѣтствовало фактическому положенію дѣлъ во второй половинѣ мая 1904 г., то естественно возникаетъ другой вопросъ, кто же былъ виновникомъ того, что во главѣ нашихъ войскъ Квантунскаго района, войскъ, покрывшихъ себя впоследствии громкой славой защитниковъ Портъ-Артура, стояло лицо, которое могло погубить все дѣло обороны крѣпости уже въ концѣ четвертаго мѣсяца войны и, если не погубило, то только благодаря оплошности противника? Оставляя этотъ вопросъ открытымъ, ограничусь ссылкой на матеріалъ, имѣющійся въ изданіи В.-Ист. комиссіи²⁾.

Доводомъ въ пользу того, что Портъ-Артуръ въ половинѣ мая вовсе не былъ въ отчаянномъ положеніи, едва-ли можетъ служить то обстоятельство, что прибывшій 17 мая изъ Портъ-Артура съ порученіемъ отъ коменданта крѣпости капитанъ ген. штаба Гурко доложилъ, что гарнизонъ достигалъ 45.000 чел., запасовъ имѣлось на продолжительное время и подавляющаго превосходства противника обнаружено не было (т. II, ч. I, стр. 332). Хотя К—шій М. арміей и старался опереться на этотъ доводъ при защитѣ своего мнѣнія о преждевременности перехода въ наступленіе, но въ дѣйствительности свѣдѣнія, привезенныя кап. Гурко, обезцѣнивались его же докладомъ (о чемъ трудъ В.-Ист. комиссіи умалчиваетъ) о намѣреніи ген. Смирнова, въ виду полного упадка духа у ген. Стесселя, устранить своего начальника насильственнымъ образомъ въ ту минуту, когда его настроеніе угрожало бы стать опаснымъ для дальнѣйшаго сопротивленія крѣпости³⁾. Послѣдующія событія показали, что Смирновъ не привелъ своей угрозы въ исполненіе, когда Стессель 19 декабря, вопреки рѣшенію совѣта обороны, вступилъ съ ген. Ноги въ переговоры о капитуляціи...

Итакъ, изслѣдуя вопросъ о томъ, была ли въ половинѣ мая 1904 г. Портъ-Артуру дѣйствительно необходима безотлагательная помощь, прихожу къ слѣдующему заключенію: Если бы японцы, оцѣнивъ моральное впечатлѣніе, произведенное на противника потерей Цзиньчжоу, развили свой успѣхъ 13 мая неотступнымъ преслѣдованіемъ, то они могли бы подойти къ Портъ-Артуру двумя мѣсяцами раньше, нежели они сдѣлали въ дѣйствительности; а къ концу мая возможно было сосредоточить тамъ в силы, превосхо-

¹⁾ Т. VIII, ч. I, стр. 128—129.

²⁾ Дѣло о сдачѣ крѣпости Портъ-Артуръ. Показаніе подполковника Гурко, стр. 193. Ген. Смирновъ не отрицаетъ этого въ своихъ показаніяхъ.

дѣлѣнїя тѣ, которыя были собраны къ августовскому штурму. Если и вѣтъ твердыхъ данныхъ къ утвержденію, что и всѣ остальные приготовленія для атаки (напр. доставка осадной артиллеріи) могли быть значительно ускорены¹⁾, то во всякомъ случаѣ, а тѣмъ болѣе при условіи, что имѣвшіяся у насъ свѣдѣнія о противникѣ настойчиво приписывали ему намѣреніе направить главный ударъ на Портъ-Артуръ, адмиралъ Алексѣевъ, такъ же какъ и ген. Стессель, имѣлъ основаніе предполагать полную готовность противника къ производству ускоренной атаки крѣпости уже вскорѣ послѣ овладѣнія имъ Цзиньчжоуской позиціей. То обстоятельство, что въ августѣ, при болѣе благоприятныхъ для насъ условіяхъ, участь Портъ-Артура держалась, какъ говорится, на волоскѣ, доказываетъ, что удача атаки въ іюнѣ отнюдь не представляется невѣроятной, и что слѣдовательно г.-ад. Алексѣевъ вѣрно опѣнивалъ обстановку, какъ она могла создаться послѣ Цзиньчжоускаго боя.

Но японцы не уяснили себѣ положенія и вмѣсто того, чтобы использовать успѣхъ, одержанный 13 мая, и энергично наступать къ П.-Артуру на плечахъ нашего отступающаго отряда, они, упорствуя въ выполненіи первоначальнаго плана концентрическаго наступленія въ Южную Маньчжурію (для котораго время было уже упущено)²⁾, направили армію Оку на сѣверъ, подвергая ее опасности отлѣльнаго пораженія. При этомъ условіи вопросъ о деблокадѣ Артура сводился въ результатѣ фронтальнаго столкновенія между тремя дивизіями Оку и отрядомъ ген. Штакельберга.

Отъ насъ зависѣло шансы предстоящаго столкновенія перевести на свою сторону, обезпечивъ себѣ превосходство силъ въ бою. Насколько задача эта представлялась разрѣшимой, уже говорилось раньше, а теперь постараюсь отвѣтить на второй изъ поставленныхъ вопросовъ: *было ли для движенія на выручку П.-Артура выбрано подходящее время?*

Попутно съ разборомъ перваго вопроса, я старался выяснять, что въ стратегическомъ отношеніи операція по выручкѣ П.-Артура была предпринята слишкомъ поздно. Наиболѣе подходящимъ для нея временемъ являлась первая половина мая, когда Цзиньчжоуская позиція была еще въ нашихъ рукахъ, армія Куроки не была

¹⁾ Вполнѣ возможно, что доставка осадной артиллеріи замедлялась благодаря только такому случайному обстоятельству, какъ потопленію нѣсколькихъ японскихъ транспортовъ владивостокскими крейсерами (т. II ч. II, стр. 109).

²⁾ Это упрямство привело японцевъ въ августѣ къ Ляояну, т. е. къ возможной *катастрофѣ*, — только по недоразумѣнію обратившейся для нихъ въ неполную стратегическую побѣду.

способна къ наступленію, а высадка въ Дагушанъ, едва только начатая (съ 6 мая), не могла быть для насъ опасной. Быстро сосредоточивъ 1. Сиб. корпусъ и всѣ резервы, эшелонированные вдоль жел. дороги, мы располагали бы для наступленія силою до 60 баталіоновъ¹⁾; если бы у насъ было стремленіе даже не къ наступленію, а только къ связи съ отрѣзаннымъ японцами укрѣпленнымъ райономъ, то кавалерія наша находилась бы не въ Гайчжоу, а въ Вафандянъ или Пуландянъ, въ соприкосновеніи съ противникомъ, имѣя позади себя исправную линію желѣзной дороги до района сосредоточенія; если бы всѣ наши дѣйствія были проникнуты наступательнымъ духомъ, ген. Стесселю было бы указано упорно отстаивать Цзиньчжоускую позицію (Т. VIII Ч. 1 стр. 161), имѣя въ виду совмѣстныя дѣйствія съ подходящей съ сѣвера выручкой. Надо замѣтить, что ген. Оку, со времени своей высадки и до боя у Цзиньчжоу включительно, охранялся съ сѣвера всегда очень сильно, такъ напр. во время боя охрана эта по книгѣ подполковника А. Свѣчина (стр. 87), состояла изъ 9 баталіоновъ, по труду же В.-Ист. комиссіи (Т. II Ч. 1 стр. 271—272) даже изъ всей 5. дивизіи съ придачей еще 4-хъ б-новъ. Это показываетъ, насколько Оку опасался за свой тылъ и за базу, гдѣ въ то время продолжалась высадка войскъ и обозовъ. Даже только демонстрація въ это время со стороны М. арміи или сборъ большихъ силъ въ районѣ Хайченъ—Гайчжоу заставила бы Командующаго II японской арміей еще болѣе ослабить войска, назначенныя для атаки позиціи, а рѣшительное наступленіе съ сѣвера въ связи съ серьезнымъ отпоромъ всѣми силами (а не однимъ только полкомъ) у Цзиньчжоу, было бы для японской арміи, не обладавшей въ то время обезпеченной базой, такими тисками, изъ которыхъ ей трудно было бы выбраться. При этихъ условіяхъ восточной группѣ японцевъ дѣйствительно только и оставалось, *хотя съ рискомъ голодной смерти въ горахъ*, броситься, какъ то было предписано главной квартирой въ Токио (Т. II Ч. 1 стр. 348), на наши сообщенія. Но для отпариванія такихъ отчаянныхъ попытокъ мы располагали заслонами на путяхъ, ведущихъ съ востока къ Хайчену и Ляояну, а дальнѣйшей опорой могли служить войска, непрерывно подвозимыя въ районъ сосредоточенія.

Если нельзя считать блестящимъ стратегическое положеніе арміи, которой приходится прибѣгать къ такимъ героическимъ средствамъ, какъ обреченіе своихъ солдатъ на голодную смерть, то во всякомъ случаѣ готовность прибѣгнуть къ нимъ для выручки своихъ уже является

¹⁾ См. схему № 1.

серьезнымъ шансомъ на побѣду. Не таково было, къ сожалѣнію, настроеніе на нашей сторонѣ. По словамъ полковника графа Бобринскаго, приписываемымъ ему майоромъ бар. Теттау¹⁾, генераль Куропаткинъ, даже рискуя паденіемъ П.-Артура, *не намѣренъ былъ идти выручать его, пока не сосредоточитъ всѣхъ войскъ*. При такихъ условіяхъ наступленіе въ первой половинѣ мая конечно не могло состояться; время ушло на безплодную переписку между Намѣстникомъ и К-щимъ арміей, переписку, которая грозила затянуться до безконечности, если бы не послѣдовавшее Высочайшее указаніе, которымъ подтвердилась основательность опасеній Главнокомандующаго за участь П.-Артура и отвѣтственность за дальнѣйшее промедленіе въ оказаніи ему помощи возлагалась на ген.-ад. Куропаткина (т. II ч. 1, стр. 340). Указаніе это было сообщено ген.-ад. Алексѣеву телеграммой отъ 23 мая. Хотя обстоятельства были для насъ уже не такъ благоприятны, какъ до паденія Цзиньчжоу, тѣмъ не менѣе время для наступленія къ П.-Артуру еще не было окончательно упущено, мы все еще располагали возможностью выставить противъ Оку превосходныя силы, но теперь уже не демонстрація могла помочь П.-Артуру, а только рѣшительный ударъ превосходными силами. Время полумѣръ прошло. Если К-щій М. арміей, изъ чрезвычайной осторожности, не считалъ возможнымъ собрать подъ начальствомъ ген. бар. Штакельберга такія силы, которыя обѣщали вѣрный успѣхъ, то слѣдовало совершенно отказаться отъ попытки выручки П.-Артура. До періода дождей, наступающаго обыкновенно въ началѣ іюля, оставалось еще около мѣсяца, времени было достаточно, но въ обрѣзъ—дальнѣйшее промедленіе становилось опаснымъ.

Въ общемъ на второй поставленный вопросъ отвѣтъ можетъ быть данъ такой.

Операція для выручки П.-Артура, хотя и обѣщала больше результатовъ, если бы была предпринята въ первой половинѣ мая, но и въ концѣ того же мѣсяца время для нея еще не было упущено. Даже въ томъ неудачномъ видѣ, въ который она въ концѣ концовъ вылилась, съ понесеніемъ нами частнаго пораженія подъ Вафангоу, она все-таки облегчила положеніе П.-Артура и отсрочила его паденіе. Возможно, что самое выдвигеніе арміи Оку къ сѣверу (хотя и предусмотрѣнное планомъ кампаніи) было бы замѣнено, болѣе отвѣчавшею обстановкѣ, атакою П.-Артура всѣми

¹⁾ Восемнадцать мѣсяцевъ въ Маньчжуріи съ русскими войсками. Переводъ полковника Грулева, 1907 г. стр. 130. Фактъ отъѣзда къ 20—21 мая стар. ствля.

силами, высадившимися на Квантунъ, если бы не серьезная угроза со стороны нашего Южного авангарда, существованіе которой признаютъ японскіе источники (т. VIII ч. 1, стр. 339). Во всякомъ случаѣ 6. дивизія, притянутая въ II армию въ виду грозившей послѣдней опасности (тамъ же стр. 341), предназначалась для III армии, которая, лишившись этой дивизіи, оказалась въ крайне тяжеломъ, *даже критическомъ* положеніи (тамъ же стр. 340) и должна была отсрочить до августа подготовлявшуюся на П.-Артурѣ ускоренную атаку.

Для отвѣта на третій вопросъ—*имѣлись ли къ распоряженію Командующаго Маньч. арміей необходимыя средства, чтобы достигнуть поставленной цѣли*—выручки П.-Артюра,—разберемъ сначала, на какія ближайшія задачи эта цѣль распадалась.

Первая задача была—разбить заслонъ, выдвинутый японцами для обезпеченія блокады П.-Артюра, т. е. армию Оку. Къ концу мая II японская армія состояла изъ трехъ дивизій, 3, 4. и 5.; такой цифрой она оцѣнивалась и нами, только №№ двухъ дивизій въ нашихъ свѣдѣніяхъ были не тѣ: вмѣсто 3. и 4.—8. и 11 (т. II, ч. 1, стр. 101). Сверхъ того въ составъ арміи была впоследствии зачислена 6. дивизія, но она въ концѣ мая только кончала высадку въ Талиенванъ и къ глав. силамъ арміи присоединилась уже послѣ боя у Вафангоу.

Итакъ, прежде всего предстояло разбить три дивизіи II японской арміи, т. е. 36 баталіоновъ пѣхоты; Намѣстникомъ было указано нашъ наступающій отрядъ сдѣлать силою не менѣе 48 баталіоновъ. Хотя бой у Вафангоу показываетъ, что если бы у насъ 1 іюня было сосредоточено даже не 48, а только 36 баталіоновъ, то и въ этомъ случаѣ успѣхъ могъ легко склониться въ нашу сторону: правое крыло не было бы принуждено къ преждевременному отступленію, что дало бы возможность лѣвому крылу использовать одержанный имъ надъ 3. японской дивизіей успѣхъ, которымъ, какъ мы видѣли, послѣдняя была поставлена въ крайне тяжелое положеніе¹⁾; между тѣмъ сбитіе 3. дивизіи угрожало японцамъ потерю пути отступленія на Пуланданъ и Цзиньжоу. Введеніе же съ нашей стороны въ дѣло 48 баталіоновъ обѣщало еще болѣе рѣшительный успѣхъ. Естественно возникаетъ вопросъ: во сталь ли бы ген. Оку наступать противъ нашего отряда, если бы въ составъ послѣдняго дѣйствительно было 48 баталіоновъ? Японцы обы-

¹⁾ См. приложеніе.

иновенно бывали освѣдомлены лучше насъ, и опасеніе встрѣтить превосходныя силы побудило бы, можетъ быть, к—щаго японской арміей повременить наступленіемъ до присоединенія къ нему 6. дивизіи? По этому поводу надо замѣтить, что пресловутая освѣдомленность японцевъ была, какъ и вообще многія положительныя качества, которыя мы приписывали своему противнику, сильно преувеличена. Въ меньшей, можетъ быть, степени, чѣмъ мы, но и японцы нерѣдко ошибались въ исчисленіи силъ противника¹⁾. При наступленіи къ Вафангоу, ген. Оку, повидямому, не имѣлъ вполнѣ точныхъ свѣдѣній о составѣ отряда ген. Штакельберга, по крайней мѣрѣ еще 27 мая въ штабѣ II арміи русской отрядъ считали превосходящимъ японскую армію дивизіи на двѣ, не считая конницы (соч. англ. ген. штаба вып. II, стр. 55). Въ противоположность этому подпол. Свѣчинъ считаетъ, что ген. Оку оцѣнивалъ находившіяся у Вафангоу силы русскихъ въ двѣ дивизіи (стр. 120), что однако не исключало возможности, чтобы туда были быстро притянуты значительныя подкрѣпленія изъ Гайчжоу, Инкоу и Хайчена. Во всякомъ случаѣ, зналъ или не зналъ точно Оку, съ какими силами противника ему придется имѣть дѣло, это едва-ли остановило бы его наступательный порывъ. Характеризуя к—щаго II японск. арміей, А. Г. Елчанниковъ говоритъ: „ген. Оку, не взирая на полную неудачу подъ Цзиньчжоу²⁾, все же дѣлаетъ „*последнее отчаянное усиліе*“ и онъ же подъ Вафангоу *ставитъ на карту все*“³⁾, лишь бы побѣдить“. (Тактика въ дѣйствіяхъ подъ крѣпостями, 1910 г., стр. 239). Проникнутые еще до войны германской доктриной („всегда впередъ, чего бы это ни стоило“), японскіе генералы, послѣ одержанныхъ ими успѣховъ у Тюренчена и Цзиньчжоу, успѣли оцѣнить характеръ своего противника (т. II, ч. 2, стр. 108) и стали еще смѣлѣе. Впослѣдствіи ихъ смѣлость возрасла до дерзости и несмотря на это оставалась безнаказанной, подтверждая афоризмъ: удивить противника значитъ его побѣдить. По той же причинѣ и смѣлое выдвигеніе Оку съ тремя дивизіями, грозившее ему катастрофой, обратилось въ успѣхъ. Въ противоположность этому, англ. ген. штабъ въ своемъ сочиненіи о войнѣ (вып. II переводъ, стр. 175) говоритъ про насъ, что *отличительная черта всѣхъ русскихъ плановъ заключалась въ недостаткѣ рѣшимости*

Такъ было и передъ Вафангоускимъ боемъ: желая все прикрыть (*qui trop embrasse mal étreint!*), у нашего начальства не хватало

¹⁾ Напримѣръ во время Ляоянской операціи, см. т. II, ч. 2, стр. 278.

²⁾ Первоначальную. В. Ф.

³⁾ Курсивъ мой. В. Ф.

рѣшимости изъ имѣвшихся сильныхъ резервовъ направить къ ген. Штакельбергу столько, чтобы обезпечить ему перевѣсъ надъ Оку. Этому вопросу я уже касался, возвращаюсь къ нему еще разъ, чтобы свои выводы подтвердить болѣе точными расчетами.

Къ 1 мая въ Маньчжурской арміи числялось, не считая Портъ-Артурскаго гарнизона, 85³/₄ баталіона пѣхоты, изъ коихъ 80 въ непосредственномъ распоряженіи К—щаго арміей. Орудій было 218 ¹⁾ (т. II, ч. 1, стр. 199). Въ это время у японцевъ было на материкѣ три дивизіи I арміи, а II армія, того же состава, только высаживалась на Квантунѣ (тамъ же стр. 231—232). I армія еще совершенно не была готова къ наступленію по неустройству обозной и продовольственной части и только къ 7—9 іюня она получила возможность продолжать наступленіе отъ Фынхуанчена (т. II, ч. 2, стр. 107—108). Разстояніе отъ послѣдняго до Ляояна по этапной дорогѣ около 160 верстъ, о качествѣ дороги можно судить по тѣмъ затрудненіямъ, которыя испытывалъ Восточный отрядъ при отступленіи отъ Ялу къ переваламъ (т. II, ч. 1, стр. 245); для боковыхъ отрядовъ можно было располагать только болѣе кружными и еще худшаго качества путями. При движеніи къ Ляояну японцы могли встрѣтить сопротивленіе со стороны нашихъ войскъ на многочисленныхъ горныхъ позиціяхъ, которыя, если бы даже рѣшено было оборонять ихъ только демонстративно, и то должны были значительно задержать противника, заставляя его терять время на развертываніе и движеніе по кружнымъ дорогамъ и тропамъ. Сила позицій на перевалахъ Фынсяолинъ (Фыншуйлинъ) и Модулинъ еще до войны была выяснена и оцѣнена развѣдками нашихъ войскъ и офицеровъ генеральнаго штаба, а нашъ планъ стратегическаго развертыванія предусматривалъ оказаніе на этой позиціи упорнаго сопротивленія противнику; по занятіи ея Восточнымъ отрядомъ она была укрѣплена. Впослѣдствіи японцы, а вмѣстѣ съ ними и ген. Гамильтонъ, удивлялись, что русскіе безъ выстрѣла отдали такую великолѣпно-укрѣпленную позицію, которую, кстати сказать, они нѣсколько дней спустя неудачно атаковали сравнительно небольшими силами (Гамильтонъ, т. I, стр. 206). Въ сочиненіи англ. ген. штаба приводится, что дороги, по которымъ приходилось въ іюнь наступать I арміи, „были чуть-чуть лучше тропъ, такъ что во многихъ мѣстахъ пѣхота могла идти только гуськомъ; въ этой мѣстности предприимчивый непріятель могъ бы надолго задержать наступленіе, если совсѣмъ не остановитъ, но русскіе не использовали выгоды, представляемая мѣстностью, и отступили, не оказавъ

¹⁾ См. схему № 1.

сопротивленія“ (т. II, ч. 2, стр. 235—236). Изложенное съ достаточной ясностью свидѣтельствуеть, что если бы во время движенія на выручку П.-Артуру армія Куроки перешла въ наступленіе къ Ляояну, то, при твердой рѣшимости оказать ей серьезный отпоръ Восточный отрядъ могъ-бы на названныхъ перевалахъ и другихъ позиціяхъ надолго задержать ее¹⁾. Правда, для этого надо было отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ уже отчасти укоренившихся въ Маньчжурской арміи взглядовъ и привычекъ, какъ-то: боязни встрѣчи съ „превосходными силами“, опасеній израсходовать свои резервы, прежде чѣмъ „опредѣлилось направленіе главнаго удара противника“ (А. Свѣчинъ, стр. 159) и страха передъ потерей орудій, что заставляло убирать артиллерию изъ боя раньше, чѣмъ она успѣвала оказать требуемое отъ нея содѣйствіе пѣхотѣ (тамъ же стр. 158). Графъ Келлеръ не принадлежалъ однако къ числу тѣхъ генераловъ, которые уже успѣли подпасть подъ вліяніе этихъ „навязчивыхъ идей“, а положеніе его облегчалось тѣмъ, что Куроки въ теченіе мая ослабилъ себя выдѣленіемъ по бригадѣ пѣхоты въ направленіяхъ къ Сюяню и къ Саймацзи; для активныхъ дѣйствій у него въ окрестностяхъ Фыхуанчена оставалась только 2. дивизія и по бригадѣ гвардейской и 12. дивизій; хотя по нашимъ развѣдкамъ въ его арміи числились сверхъ того резервные войска, но въ настоящее время изъ труда В.-Ист. комиссіи и другихъ источниковъ извѣстно, что въ періодъ Вафангоуской операціи, если и были на театрѣ войны резервные войска, то въ ничтожномъ количествѣ и не для боевыхъ назначеній²⁾. Между тѣмъ эти войска были однимъ изъ жупеловъ, который постоянно возбуждалъ тревогу въ штабѣ Маньч. арміи и служилъ опорной точкой для оправданія въ нужныхъ случаяхъ колебаній и нерѣшительности.

Итакъ, если бы изъ Маньч. арміи для наступленія на югъ въ началѣ мая были назначены 1. Сибирскій Корпусъ—24 бат., 5. В.-С. стр. д—ія—12. бат. и 2. бригада 35. пѣх. дивизіи—8 бат., всего 44 батал.; въ заслоны противъ Куроки 3. и 6. В.-С. стр. дивизіи—24 бат. (изъ нихъ собственно въ Восточн. отрядѣ 18 бат.), на побережьѣ Инкоу—Сювечень—2. бригада 31. пѣх.

¹⁾ Напр. во время Шахэйскаго наступленія въ сентябрѣ 1904 г. нашъ сильный Восточный отрядъ былъ задержанъ сравнительно ничтожными силами противника.

²⁾ По Гампильтову два баталіоны Коби (резервныхъ) были въ маѣ направлены на Саймацзинскую дорогу для защиты сообщеній I арміи отъ ген. Ревненкамца (ч. I, стр. 165); послѣ этого о резервныхъ войскахъ при арміи Куроки упоминается только при описаніи дѣйствій въ Іюль мѣсяцѣ (стр. 267) в подлинѣ.

дивизиі—8 б—новъ, то еще оставалась бы, за вычетомъ гарнизоновъ Мукдена и Ляояна, часть 1. Сиб. дивизиі (около 8 бат.) для назначенія въ составъ болѣе мелкихъ отрядовъ и заслоновъ. Хотя при такомъ распредѣленіи активная сила и была бы почти полностью израсходована, но непосредственной опасности арміи не грозило бы, т. к. наиболѣе чувствительное мѣсто (сѣверо-восточное побережье Ляодунскаго залива, на которомъ къ тому же высадка была маловѣроятна), было бы подъ надежной охраной, а въ случаѣ высадки противника на побережьи Корейскаго залива (какъ то дѣйствительно и случилось въ Дагушанѣ), заслонъ на Далнскомъ перевалѣ могъ бы быть усиленъ подвозимыми войсками 4. Сибирскаго корпуса; другая часть этого корпуса могла бы быть направлена въ составъ наступающаго къ П.-Артурѣ отряда, доведя силу его до 60 баталіоновъ. Но еще вѣроятнѣе предположить, что рѣшительное наступленіе къ югу, грозившее серьезной опасностью высадившимся частямъ арміи Оку, заставило бы японцевъ отказаться отъ высадки въ Дагушанѣ, съ направленіемъ предназначенной для этого 10. дивизиі на усиленіе высадившейся на Квантунѣ арміи, что дало бы намъ возможность весь 4. Сиб. корпусъ направить въ составъ Южнаго отряда. Такимъ образомъ это наступленіе Южнаго отряда обратилось бы въ сущности въ наступленіе *главныхъ силъ* Маньчжурской арміи. Куроки, какъ мы видѣли, не были способны къ наступленію равнѣе начала іюня, хотя въ началѣ мая уже можно было догадаться о неготовности I японск. арміи, но допустимъ, что изъ осторожности все-таки необходимо было обезпечить себя съ этой стороны: это достигалось категорическимъ распоряженіемъ Восточному отряду оказывать Куроки сопротивленіе на всѣхъ встрѣчающихся на пути его наступленія позиціяхъ; усиленіемъ Вост. отряда конницей, если бы таковая оказалась свободной, энергичными дѣйствіями коннаго отряда ген. Ренненкампфа на сообщенія I японск. арміи (мы видѣли, какъ японцы опасались этого); наконецъ,—если бы наступленіе японцевъ приняло угрожающій сообщеніямъ Маньчжурской арміи характеръ—4. Сибир. корпусъ вмѣсто Южнаго отряда могъ бы быть направленъ въ Восточный; слѣдующимъ резервомъ служилъ бы X арм. корпусъ, войска котораго стали подходить въ районъ сосредоточенія въ началѣ іюня. Но, какъ мы видѣли, I японск. армія въ началѣ мая могла продвинуться только на ничтожное разстояніе, а когда она получила способность наступать, въ это время война уже могла бы быть рѣшена дѣйствіями на Квантунѣ. Изъ сдѣланнаго очерка видно, что наступленіе, предпринятое въ началѣ мая, давало намъ громадной важности преимущество—за-

звать *почина дѣйствию*, благодаря совершенно неожиданной, но довольно опредѣленно выяснившейся въ началѣ мая новой данной: неготовности японскихъ армій къ открытію противъ насъ наступательныхъ дѣйствій.

Энергичное преслѣдованіе поставленной цѣли считало бы противнику всѣ его карты, которыя онъ приготовился разыграть въ Южной Маньчжуріи, слишкомъ самоувѣренно рассчитывая на нашу неготовность и слабую провозоспособность желѣзной дороги (т. I, стр. 255).

Далеко не такъ благопріятны были для насъ виды во второй половинѣ мая. Вслѣдствіе недостаточно упорной обороны и отсутствія поддержки съ сѣвера, Цзиньчжоуская позиція 13 мая оказалась въ рукахъ японцевъ. Съ другой стороны, предпринятая противникомъ съ 6 мая высадка въ Дагушанѣ уже начала принимать характеръ угрозы для линіи сообщенія отряда, предназначеннаго для выручки П.-Артура. Инициатива ускользала изъ нашихъ рукъ, но, усиливъ энергію дѣйствій до крайней степени, можно было еще вырвать ее изъ рукъ противника. Хотя свѣдѣнія о размѣрѣ высадки были довольно неопредѣленны, но твердыхъ данныхъ къ тому, чтобы считать количество высадившихся тамъ войскъ болѣе 1—2 бригадъ, не было. Генералъ Мищенко, расположенный со своимъ коннымъ отрядомъ въ районѣ ближайшемъ къ Дагушану, болѣе склонялся къ тому, что размѣръ десанта не превосходитъ одной дивизіи (т. II, ч. 1, стр. 272). Развѣдыват. отд.—іе хотя и допускало возможность высадки въ Дагушанѣ арміи изъ нѣсколькихъ дивизій, во изъ 19 мая имѣло опредѣленное свѣдѣніе о нахожденіи тамъ только 10. дивизіи (сводка стр. 46), по другимъ свѣдѣніямъ большая часть высадившихся войскъ направлялась береговой дорогой на Бицзыво; въ направленіи на Сюинь оперировали сравнительно небольшія свлы: 1—2 бригады (т. II, ч. 1, стр. 377, Сводки свѣдѣній къ 18 и 19 мая). 14 мая К—щій М. арміей опредѣлялъ силу высадившихся въ Дагушанѣ войскъ въ одну дивизію (т. II, ч. 1, стр. 305). Во всеподданнѣйшей депешѣ отъ 16 мая ген.-ад. Алексѣевъ высказываетъ категорически, что предположенія о высадкѣ у Дагушана новой арміи не оправдались: „высажена дивизія или нѣсколько болѣе, вѣроятно, лишь подкрѣпленіе I арміи“ (стр. 294). Во всякомъ случаѣ совершившаяся тамъ высадка еще болѣе уменьшала вѣроятность десанта на сѣверномъ побережьи Людунскаго залива, такъ какъ трудно было предположить, чтобы

противникъ допустилъ такую разброску войскъ и рѣшился на трудную десантную операцію небольшими сравнительно силами въ районѣ, занятомъ нашими войсками. Это признавалось и К—щимъ М. арміей, какъ видно изъ его предписанія К—ру 4. Сиб. корпуса отъ 25 мая (т. II, ч. 1, стр. 364). Наши силы въ Ю. Маньчжуріи къ 15 мая возросли до 102 баталіоновъ, 84 эск. и сотенъ и 250 орудій (не считая пограничн. стражи), изъ конгъ К—щій арміей не могъ располагать только 4-мя б—нами въ Мукденѣ; у японцевъ въ это время въ составъ арміи вошла: I-й—гв., 2. и 12. дивизіи, II-й—3. 4. и 5. дивизіи, III-й—1. 6. и 11. дивизіи, но изъ нихъ двѣ послѣднія только къ концу мая кончили высадку; также и 10. дивизія—ядро будущей IV арміи только къ 17 мая успѣла высадить въ Дагушанѣ 9 б—новъ, 1 эск., 24 гор. орудія и 1 сапер. б—нъ; высадка всей дивизіи закончилась только 27 мая (т. II, ч. 1, стр. 373). Для усиленія передовыхъ частей 10. дивизіи была направлена изъ I арміи одна бригада гвард. дивизіи, которая подошла къ 24 мая и вмѣстѣ съ частями 10. дивизіи участвовала въ занятіи 26 мая г. Сюня. I японская армія все еще не была способна къ наступленію (т. II, ч. 1, стр. 394)¹⁾; передвиженіе частей ея, принятое нами было за начало обхода нашего лѣваго фланга въ направленіи на Саймацзы, не подтвердилось; къ 18 мая г. Саймацзы былъ нами снова занятъ и никакихъ сколько-нибудь значительныхъ силъ на дорогѣ оттуда въ Фынхуанченъ не оказалось (т. II, ч. 1, стр. 393).

Во всякомъ случаѣ къ половинѣ мая еще ни одна изъ японскихъ армій не была готова къ наступательнымъ дѣйствіямъ и числомъ баталіоновъ Маньчжурская армія превосходила имѣвшіяся противъ нея силы японцевъ (если не считать III-й японск. арміи, связанной П.-Артуромъ). Но, къ сожалѣнію, прибывшая за первую половину мая въ районъ сосредоточенія 3. Сибирская дивизія, подъ вліяніемъ различныхъ опасеній, являвшихся у К—щаго арміей, разошлась на усиленіе заслоновъ, выставленныхъ къ сторонѣ Фынхуанчена и Дагушана, между тѣмъ, какъ она могла быть вся направлена въ составъ отряда, назначеннаго для выручки П.-Артюра. При тщательномъ разсмотрѣніи дѣйствительной группировки Маньчжурской арміи къ 16 мая (т. II, ч. 1, стр. 350—353)²⁾ оказывается, что для наступленія къ югу можно было рас-

¹⁾ Тоже у Гамильтона Т. I стр. 166—167, Соч. Англ. ген. штаба вып. II стр. 168.

²⁾ См. схему № 2.

полагать слѣдующими частями: изъ состава Южнаго авангарда— 1. Сибирскимъ корпусомъ (24 батал.); изъ состава общаго резерва—5. В.-С. стр. диввзіей (11½ бат.) и вторыми бригадами 31. и 35. п. диввзіей (13 бат.), итого около 48 баталіоновъ; побережье Инкоу - Гайчжоу могла занять 1. бригада 2. Сиб. диввзіи, прибывшая 18 мая въ Хайченъ; вислономъ противъ Дагушанской группы служилъ 21. В.-С. полкъ (3 бат.), находившійся на Далинскомъ и Пханлинскомъ перевалахъ, поддержкой ему на случай перехода японцевъ въ наступленіе могла служить 2. бригада 2. Сиб. п. диввзіи, которую для этой цѣли слѣдовало отозвать изъ Вост. отряда, въ которомъ все еще оставалось бы 20½ б—новъ, не считая трехъ б—новъ отряда Ренненкампа. 3. Сиб. диввзія, которая ожидалась въ періодъ между 20 и 28 мая, должна была разсматриваться, какъ общій резервъ арміи.

Чтобы сосредоточить для наступленія на югъ указанную массу 48 б—новъ, надо было проникнуться суворовскимъ завѣтомъ: „идешь въ бой, умножай войска, опорожняй посты, снимай коммуникаціи“... надо было отрѣшиться отъ стремленія признавать противника вездѣсущимъ, всевѣдущимъ и всемогущимъ, а себя ни къ чему неспособнымъ и безпомощнымъ... Операція главными силами М. арміи противъ Куроки была признана невыполнимой, въ виду гористости, бездорожья, отсутствія мѣстныхъ средствъ въ районѣ между Ялу и жел. дорогой;—если эти обстоятельства представляли препятствіе для насъ, почему же считалось, что для японцевъ все это ни по чемъ и они, оперируя арміями по нѣсколькимъ диввзіямъ, могутъ переноситься по дикой, горной мѣстности, какъ птицы, не нуждающіяся, ни въ обозахъ, ни въ устроенныхъ коммуникаціонныхъ линіяхъ? На такую тенденцію начальства Манчжур. арміи обратилъ вниманіе и тогдашній Военный Министръ ген.-ад. Сахаровъ, который на доставленной ему копіи письма ген.-ад. Куропаткина къ ген.-ад. Алексѣеву отъ 14 мая сдѣлалъ, между прочимъ, слѣдующія помѣтки: „Странно, что намъ мѣшаютъ и горы, и дожди, а японцамъ—ничто не мѣшаетъ“; противъ мѣста письма, къ которомъ К—щій арміей ссылается на отсутствіе у насъ транспортовъ, необходимыхъ для подвоза продовольствія въ случаѣ наступленія на востокъ: „А у японцевъ есть?“ (Т. II, ч. 1. Приложение № 29, стр. 94). Такія же мысли высказывалъ и начальникъ Вост. отряда ген. гр. Келлеръ, который въ письмѣ К—щему арміей отъ 22 мая, осуждая предписанный его отряду пассивный образъ дѣйствій, писалъ между прочимъ слѣдующее:..... „Отказавшись отъ всякой инициативы на всей нашей восточной линіи, мы тѣмъ самымъ вполне

подчиняемся инициативѣ японцевъ"— „Мы ихъ всюду боимся,— они намъ мерещатся вездѣсущими...“ (Т. II, ч. 1, стр. 394).

Такъ же смотрѣлъ на дѣло адмиралъ Алексѣевъ, который въ своей перепискѣ съ К—щимъ арміей постоянно предостерегалъ отъ преувеличенія силъ и предпримчивости противника.

Такимъ образомъ, еще въ половинѣ мая было возможно приступить къ быстрому сосредоточенію для наступленія къ Портъ-Артуръ не менѣе 48 баталіоновъ и обстановка на театрѣ войны, правильно понята въ то время Намѣстникомъ, безусловно допускала, безъ особеннаго риска, направить такую массу противъ арміи Оку.

При изложеніи хода вафангоуской операціи было объяснено, что то же самое было возможно и въ концѣ мая, при чемъ ничто не мѣшало сосредоточить подъ начальствомъ ген. Штакальберга 48 баталіоновъ еще къ 31 мая, ко дню перехода въ наступленіе арміи Оку. Хотя къ концу мая Дагушанская группа противника (10. дивизія) успѣла высадиться полностью и усилилась гвардейской бригадой, что дало ей возможность овладѣть Сюянемъ, но къ дальнѣйшему наступленію она, по неустройству сообщеній, еще не была готова (т. II, ч. 1, стр. 381)⁴⁾. Дѣйствія японцевъ въ концѣ мая въ направленіи отъ Фынхуанчена къ Ляояну, а также на Саймацзы носили явно демонстративный характеръ (т. II, ч. 1, стр. 399—402), указывая на неготовность 1 арміи къ наступленію. Между тѣмъ къ намъ въ теченіе второй половины мая подошла 3. Сибирская дивизія, что доводило силы наши въ южной Маньчжуріи до 118 бат., противъ 120 баталіоновъ японцевъ, изъ коихъ 24 были связаны П.-Артуромъ.

Вопросъ о необходимыхъ „средствахъ“ для исполненія операціи къ югу подразумѣваетъ также и административную подготовку. По нѣкоторымъ намекамъ въ текстѣ труда В.-Ист. комиссіи (напр. т. II, ч. 1, стр. 360—361), можно думать, что наступленіе могло встрѣтить препятствія въ отношеніи обезпеченія отряда продовольствіемъ. Но болѣе подробное ознакомленіе съ этимъ вопросомъ по главѣ XIII, т. II, ч. 2 (Организація ближняго тыла) выясняетъ, что ни обезпеченіе отряда продовольствіемъ, ни устройство его

⁴⁾ Для угрозы, согласно полученнаго 31 мая изъ главной квартиры предписанія, линія сообщенія русскихъ въ направленіи въ Гайчжоу, ген. Кавамура (взч. 10. див.) предполагала только „занять“ перевалы между Сюянемъ и Гайчжоу, назначивъ для этой цѣли два отряда, силою, въ общей сложности, въ 6 бат.—новъ (Соч. Апп. ген. шт. II стр. 129).

коммуникаціонной линіи — желѣзной дороги, по существу не представляли никакихъ затрудненій (стр. 517 — 520) и если и встрѣчались нѣкоторыя шероховатости, то происходили онѣ отъ той же основной причины, отъ которой зависѣлъ медленный и несвоевременный притокъ въ отрядъ подкрѣпленій: отъ отсутствія твердой постановки цѣли и отъ постоянныхъ колебаній въ исполненіи принятаго плана. Интересно, между прочимъ, отмѣтить, что въ первой половинѣ мая, когда уже былъ выдвинутъ на очередь вопросъ о переходѣ къ активнымъ дѣйствіямъ и происходило непрерывное сосредоточеніе войскъ въ районѣ Ляоянь-Гайчжоу, продовольственные запасы вывозились изъ Ляояня *на сѣверъ* для образованія промежуточныхъ магазиновъ.

Слѣдующая частная задача, которую, послѣ разбитія японскаго заслона, предстояло выполнить М. арміи, было овладѣніе Цзяньчжоуской позиціей. Если для рѣшенія первой задачи было достаточно только сосредоточить силы, превосходящія армію Оку, то при исполненіи второй необходимо было прибѣгнуть къ широкому содѣйствію техническихъ средствъ. Этотъ вопросъ былъ поставленъ на очередь, но въ концѣ мая получилъ только частичное разрѣшеніе въ видѣ начала образованія въ Харбинѣ осаднаго паря (т. II, ч. 1, стр. 349). Во всякомъ случаѣ сосредоточеніе къ Цзяньчжоускому перешейку необходимыхъ артиллерійскихъ и инженерныхъ средствъ потребовало бы не мало времени, что сильно усложняло вопросъ о выручкѣ П.-Артура послѣ потери нами Цзяньчжоуской позиціи; въ какую форму могло бы вылиться обратное овладѣніе нами этой позиціей, сказать трудно, т. к. это зависѣло бы и отъ размѣра пораженія, понесеннаго арміей Оку, отъ степени энергій, съ которой была бы использована побѣда, отъ готовности къ началу іюня японскихъ работъ на горѣ Самсонъ и на перешейкѣ (о чемъ свидѣній не имѣется), и отъ содѣйствія, котораго могла ожидать М. армія со стороны нашей П.-Артурской эскадры. Куроки и Кавамура въ это время навѣрное напрягли бы всѣ усилія, чтобы, дѣйствуя на наши заслоны, заставить насъ оттянуть войска Штакельберга къ сѣверу. Но волшебное слово „побѣда“, все-таки, впервые послѣ четырехъ мѣсяцевъ войны, гордо прозвучало бы въ ридатѣ нашей арміи. Можно ли предсказать, каково было бы его вліяніе на моральное состояніе войскъ и ихъ начальниковъ? Можно ли предвидѣть, каковъ при этомъ условіи былъ бы результатъ переговоровъ еще къ наступленію японскихъ войскъ восточной группы? Не воспрянулъ ли бы духомъ и П.-Артурскій гарнизонъ и не почувствовалъ ли бы себя въ силахъ сбить слабый японскій заслонъ, угрожая его еще неустроенной базѣ въ Дальнемъ? Не былъ ли бы

значительно сильнѣе произведенный на противника эффектъ выхода русской эскадры изъ П.-Артура,—выхода, который такъ ошеломилъ японцевъ даже послѣ одержанной 2 іюня побѣды (т. II, ч. 2, стр. 109)?—Все это должно конечно навсегда остаться въ области догадокъ. Ограничиваясь лишь самымъ скромнымъ изъ возможныхъ предположеній, можно съ увѣренностью сказать, что энергичныя дѣйствія съ нашей стороны противъ Цзиньчжоу отвлекли бы отъ П.-Артура часть силъ и осадныхъ средствъ III японской арміи; это обстоятельство, въ связи съ возможностью установленія болѣе тѣсной связи, а также моральнымъ значеніемъ близости выручки, способствовало бы совмѣстнымъ дѣйствіямъ гарнизона съ деблокаднымъ корпусомъ, что по меньшей мѣрѣ дало бы значительный выигрышъ времени. Какое это могло имѣть вліяніе на участь П.-Артура—ясно само собою.

Довольно вѣраую оцѣнку общаго положенія на театрѣ войны можно встрѣтить въ письмѣ тогдашняго Военнаго Министра къ К—щему М. арміи отъ 31 мая, въ которомъ ген.-ад. Сахаровъ, между прочимъ, высказалъ слѣдующія мысли: „Событія..... происшедшія въ теченіе второй половины мая мѣсяца, повидимому, не оправдали предположеній..... о наступленіи противъ М. арміи двухъ японскихъ армій, общей численностью до 100 б—новъ. Напротивъ, армія Куроки, одержавъ успѣхъ на Ялу и продвинувшись къ Фын-хуанчену, тѣмъ и ограничилась, что съ довольно большой вѣроятностью объясняется ея численной слабостью сравнительно съ М. арміей. Повидимому, армія Куроки имѣла цѣлью приковать къ себѣ вниманіе, дабы дать возможность безпрепятственно высадиться другимъ японскимъ войскамъ, назначеннымъ дѣйствовать противъ П.-Артура. Преслѣдуя эту цѣль, Куроки, мелкими отрядами и не имѣющими значенія серьезныхъ попытокъ дѣйствіями противъ передовыхъ частей М. арміи, достигъ своей задачи... армія оставалась въ выжидательномъ положеніи противъ слабѣйшаго Куроки, а тѣмъ временемъ значительныя силы японцевъ высадились на побережь Ляодунскаго полуострова, одержали крупный успѣхъ у Цзиньчжоу и отрѣзали П.-Артуръ...“ (Т. II, ч. 1, стр. 418—419).

Когда отправлялось это письмо, автору его еще не было извѣстно, что на Южно-Маньчжурскомъ театрѣ назрѣвали новыя событія, которыя должны были окончиться неудачнымъ для насъ боемъ у Вафангоу. И подобно тому, какъ ничтожныя передвиженія войскъ генерала Куроки помѣшали оказать помощь Цзиньчжоускому отряду, когда на него были направлены силы трехъ японскихъ дивизій, такъ же и на этотъ разъ слабыя демонстраціи японцевъ на востокъ задержали въ тылу 1. Сибирскаго корпуса сильныя

резервы, которые, будучи брошены 2 июня на всѣхъ бою, могли склонить побѣду на нашу сторону ¹⁾).

Но помыслы К—цаго М. арміей по-прежнему были поглощены заботами о томъ, какъ бы преградить всѣ пути, по которымъ противникъ, такъ или иначе, могъ намъ угрожать. Одинъ взглядъ на схему расположенія нашей арміи къ 31 мая (№ 3) показываетъ, путемъ какой разброски, можно сказать „распыленія“ силъ, эта цѣль была, и все-таки не вполне,—достигнута. Заботливость простиралась до того, что армейскій резервъ, который въ виду предстоящаго наступленія къ югу, конечно, долженъ бы быть отправленъ въ составъ отряда ген. Штакельберга, мало того, что былъ оставленъ въ Ляоянѣ, но одну бригаду его К—щій арміей еще 28 мая готовъ былъ отправить въ поддержку Восточному отряду (т. II, ч. 1, стр. 408). Но такъ какъ всѣмъ частнымъ начальникамъ постоянно строго-настрого указывалось не ввязываться въ бой съ превосходными силами, то закупорка вездѣ выходила слабой, и наши передовыя части отходили подъ ничтожнымъ натискомъ противника, а иногда даже передъ воображаемымъ непріателемъ, какъ было напр. съ отрядомъ ген.-м. Грекова, отошедшимъ 28 и 29 мая къ Сихэяну. На рѣшеніе ген.-м. Грекова отступить на переходъ назадъ, вслѣдствіе полученныхъ фантастическихъ свѣдѣній объ обходѣ его отряда японцами, несомнѣнно могла оказать вліяніе данная ему К—щимъ арміей инструкція, которая между прочимъ заключала такое классическое указаніе: „обезпечивая... задерживая противника, стремясь выяснитъ его силы и направленіе движенія, но не ввязываясь въ упорный бой, дабы ни подъ какимъ видомъ не подвергнуться пораженію, но и не упуская случая нанести вредъ противнику“ (т. II, ч. 1, стр. 387. Курсивъ мой). Опасенія за дальніе обходы фланговъ заставляли отбрасывать войска для ихъ обезпеченія, растягивая и безъ того растянутый фронтъ. Появились не только отряды, обезпечивающіе напр. лѣвый флангъ, но и „крайній“ лѣвый флангъ и чуть-ли не „самый крайній“ лѣвый флангъ. Наступательныя попытки частныхъ начальниковъ не встрѣчали со-

¹⁾ Изъ телеграммы н—ка полк. штаба М. арміи № 5270, имѣющей въ дѣлѣ В.-Уч. Архива № 39027 стр. 16, видно, что 1 июня выступили изъ Ляояна 19. В.-С. стр. полкъ съ батареей, изъ Ляндяньсяна шесть батальоновъ 2. бр. 3. Сиб. дивизіи, которые 3 июня утромъ должны были прибыть въ Хайченъ; 2 июня выступила изъ Ляояна въ Хайченъ 1. бр. 5. В.-С. стр. дивизіи съ артиллеріей. Вѣроятно, эти передвиженія войскъ въ южномъ направленіи были вызваны повѣстіемъ о переходѣ 31 мая арміи Оку въ наступленіе; такимъ образомъ для оттариванія удара резервы нашлись, но для нанесенія удара ихъ не оказалось.

чувствія со стороны начальства арміи, какъ напр. задуманное графомъ Келлеромъ послѣ занятія 18 мая Саймацзы и отмѣненное распоряженіемъ свѣше, наступленіе къ Айянымию; какое угнетающее впечатлѣніе эта отмѣна произвела на войска, видно изъ письма названнаго генерала къ К—щему арміей отъ 22 мая (т. II, ч. 1, стр. 393—394). Такимъ же образомъ не было одобрено ген.-ад. Куропаткинымъ и предложенное н—комъ Вост. отряда вторичное наступленіе на Саймацзы, откуда ген. Граковъ былъ оттѣсненъ японцами 25 мая. Распоряженіе въ виду этого было гр. Келлеромъ отмѣнено, также какъ и выдвигеніе 29 мая передовыхъ частей Вост. отряда въ направленіи на Фынхуанченъ, кончившееся отозваніемъ этихъ частей обратно на перевалы, съ отказомъ отъ порученной имъ развѣдки (т. II, ч. 1, стр. 411—413). Въ директивахъ ген.-ад. Куропаткина, относящихся къ этому времени, все чаще начинаютъ встрѣчаться выраженія: „озабоченъ“, „тревожусь“, „безпокоюсь“, „опасайтесь“, и предупрежденія о возможности встрѣчъ съ „большими силами противника“¹⁾, что въ концѣ концовъ должно было оказывать подавляющее вліяніе на психику подчиненныхъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этихъ постоянныхъ тревогъ и опасеній, такъ сказать видимымъ результатомъ неспокойнаго состоянія духа вождя, было нарушеніе постоянной организаціи войскъ, т. е. для устраненія предполагаемой опасности, на угрожаемое направленіе бросалась первая попавшаяся часть;—такимъ образомъ въ маѣ мѣсяцъ разошелся по мелочамъ только-что прибывшій на театръ войны 4. Сибирскій корпусъ. Вліяніе въ указанномъ смыслѣ К—щаго М. арміей на душевное состояніе подвѣдомственнаго ему генерала можно прослѣдить на примѣрѣ к—ра 1. Сибирскаго корпуса. Во время подготовки къ наступленію на югъ настроеніе ген. бар. Штакельберга было въ общемъ приподнятое. 17 мая, въ соображеніяхъ, представленныхъ К—щему арміей, названный генералъ находилъ немедленное выдвигеніе на югъ до Пуляндяи, и даже далѣе, отряда въ 19—27 баталіоновъ вполне исполнимымъ, достаточно безопаснымъ и вполне своевременнымъ для отлеченія части силъ противника отъ Ш.-Артурса; высадка противника на побережья Инкоу—Сюнеченъ признавалась мало вѣроятной, также какъ и нахожденіе у Дагушана цѣлой непріятельской арміи (т. II, ч. 1, стр. 356). Но не такъ смотрѣлъ на это К—щій М. арміей; признавая обстановку еще не достаточно выясненной для перехода въ наступленіе указанными силами, онъ полагалъ достаточнымъ

¹⁾ Напр. телеграммы гр. Келлеру отъ 19 и 20 мая, приведенныя въ Т. II Ч. 1, стр. 390—391.

первоначально ограничиться разбитіемъ передовыхъ частей японцевъ, если бы они намъ таковыя подставили, для чего разрѣшялъ отправить до станціи Вафангоу, въ районъ, занятый передовой конницей, сначала два стрѣлковыя полка, а затѣмъ выдвинуть ихъ до ст. Вафандянь и довести до бригады съ артиллерією. Постоянно вращаясь въ кругѣ опасеній за возможность пораженія противникомъ нашихъ передовыхъ частей, умъ К—щаго арміей естественно долженъ былъ склониться къ тому же предположенію въ обратномъ смыслѣ: нельзя ли нанести отдѣльное пораженіе какой-нибудь зарвавшейся небольшой части противника? Эта мелкая цѣль въ продолженіе нѣсколькихъ дней занимаетъ вниманіе ген.-ад. Куропаткина, но, настойчиво рекомендуя ее въ телеграммѣ отъ 21 мая къ исполненію к—ру 1. Сиб. корпуса, онъ не забываетъ все-таки предостеречь своего подчиненнаго отъ вступленія въ бой съ превосходными силами противника и напомнить о необходимости сохраненія готовности для быстрого отхода (стр. 359). Въ той же депешѣ К—щій арміей предусмотрительно освѣдомляетъ ген. Штакельберга объ „активной дѣятельности японцевъ противъ лѣваго фланга арміи“ и объ „обнаруженіи ихъ присутствія въ Сыпингаѣ“: послѣднее было основано на неprovѣренномъ донесеніи изъ отряда ген. Ренненкампа, которое оказалось совершенно невѣрнымъ (т. II, ч. 1, стр. 391); что же касается вообще дѣятельности японцевъ на лѣвомъ флангѣ, то выше было объяснено, насколько она заслуживала названія „активной“. Въ телеграммѣ 22 мая К—щій арміей высказываетъ ген. Штакельбергу свою *озабоченность* „возможностью быстро изнурить конницу его отряда“. Едва-ли такое востроеніе, ставъ извѣстнымъ конницѣ, могло благоприятно отразиться на энергіи ея дѣйствій (стр. 361).

28 мая, потерявъ надежду на нанесеніе отдѣльнаго пораженія передовымъ частямъ Оку, которыя успѣли уклониться, К—щій М. арміей отнесся уже неодобрительно къ рѣшенію ген. Штакельберга выдвинуть бригаду стрѣлковъ изъ Вафангоу къ Вафандяну въ качествѣ поддержки для передовой конницы, встрѣчавшей затрудненія въ производствѣ развѣдокъ со стороны кавалеріи противника, которая опиралась на свою пѣхоту (т. II, ч. 1, стр. 368). Между тѣмъ въ это время было уже рѣшено „энергичное и быстрое“ движеніе 1. Сиб. арм. корпуса къ югу, дабы отвлечь на себя возможно больше силъ для облегченія положенія П.-Артура и въ соотвѣтствіи съ этимъ к—ру корпуса 25 мая была дана инструкция (т. II, ч. 1, стр. 363). Но устанавливая въ качествѣ общей цѣли ослабленіе арміи противника, оперирующей на Квантунѣ, инструкция запрещала „доводить дѣло до рѣшительнаго столкновенія

съ превосходными силами“ и „расходовать въ бою весь резервъ, пока не выяснится обстановка“. Рекомендовалось сверхъ того тщательное наблюдение за флангами и высказывалось предостереженіе относительно возможности новой высадки на Ляодунскомъ полуостровѣ, „дабы ни въ коемъ случаѣ не допустить себя до обхода съ того или другого фланга“¹⁾.

Подъ вліяніемъ приведенныхъ указаній наступательное настроеніе к—ра 1. Сиб. корпуса нѣсколько упало, и 26 мая онъ уже рѣшаетъ „завлечь“ противника „возможно дальше отъ Пуландяня и при первомъ удобномъ случаѣ атаковать“ (стр. 366—367). Но къ 31 мая, расчитывая на прибытіе подкрѣпленій, ген. Штакельбергъ снова предполагаетъ перейти къ активнымъ дѣйствіямъ и составляетъ соображенія объ атакѣ противника 5 іюня у Пуландяня²⁾. Предположеніе это не осуществилось, т. к. Оку предупредилъ насъ переходомъ въ наступленіе. Оно впрочемъ и безъ этого не состоялось бы, т. к. ген.-ад. Куропаткинъ 2 іюня телеграфировалъ ген. Штакельбергу: „Непріятель изъ Сюянн перешелъ въ наступленіе... еще не извѣстно, послѣдуетъ ли главный ударъ на Гайчжоу; предлагаю даже въ случаѣ побѣднаго боя не увлекаться преслѣдованіемъ, ибо Куроки... можетъ временно выйти на Ваши сообщенія...“ (т. II, ч. 2, стр. 69).

„Я предвижу“, писалъ 29 мая ген.-ад. Куропаткинъ Намѣстнику, „что начало дѣйствій къ югу Штакельберга совпадаетъ и съ началомъ энергичнаго наступленія Куроки“. Это пророчество, какъ извѣстно, не сбылось, но высказанное въ немъ опасеніе не могло не отразиться на энергіи приготовленій къ наступленію 1. Сиб. корпуса.

Такимъ образомъ, привычка К—щаго арміей возбуждать въ своихъ подчиненныхъ тревогу мало-по-малу приносила свои плоды: частные начальники начинали смотрѣть на обстановку глазами ген.-ад. Куропаткина, т. е. тоже чего-то опасаться, тревожиться и беспокоиться и, какъ въ такихъ случаяхъ водится, ссылаться на свою слабость и просить о присылкѣ подкрѣпленій. Такія просьбы

¹⁾ По этому поводу г. Г. Штакельбергъ говоритъ слѣдующее: „Подобныя указанія, противорѣчащія другъ другу, были трудно выполнимы; но они безспорно давали возможность впоследствии заявлять: „Я же вамъ приказалъ дѣйствовать энергично“ или „вамъ же было указано набѣгать боя съ превосходными силами“, что дѣйствительно имѣло мѣсто не разъ; укажу лишь на упрекъ послѣдней категоріи, которому подвергся командиръ 1. Сиб. корпуса... послѣ боя подъ Вафангоу“. (Военно-Историческій Сборникъ 1911 г. № 4 статья „Ташичао“ стр. 103).

²⁾ Т. II ч. 2. Приложение № 35, стр. 5—7.

въ свою очередь утверждали К—щаго арміей въ его собственныхъ опасеніяхъ, въ результатѣ чего получался заколдованный кругъ, изъ котораго, чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе было выбраться.

За короткій промежутокъ времени—май 1904 года, уже можно подмѣтить зачатки такой эволюціи въ умахъ начальствующаго персонала Маньчжурской арміи и уже по одной этой причинѣ переходъ въ наступленіе въ началѣ мая обѣщавъ больше успѣха, нежели предпринятый въ концѣ этого мѣсяца. Но во всякомъ случаѣ духъ нашихъ войскъ и ко времени Вафангоускаго боя былъ еще на надлежащей высотѣ и главной данной, обѣщавшей намъ успѣхъ въ болѣе раннее время, была *неготовность* противника, которую мы, къ сожалѣнію, въ то время не сумѣли учесть и использовать.

При существующихъ, во многомъ иривратныхъ, взглядахъ, которые распространены въ нашемъ обществѣ со времени печальной памяти событій 1904—5 годовъ, взглядахъ, полагающихъ въ основаніе оцѣнки этихъ событій нашу якобы *неготовность*, нашу *неосвѣдомленность* (Ils ne savaient pas!), подавляющія силы, будто бы выставленныя Японіей въ самомъ началѣ войны, и тому подобныя жупелы, которые для многихъ затмили истинный смыслъ совершившихся фактовъ, утвержденіе о *неготовности* японцевъ, которой мы, будто бы, не сумѣли воспользоваться, должно казаться фантастическимъ. Но при ближайшемъ ознакомленіи съ событіями, хотя бы по описанію войны, составленному В.-Ист. комиссіей, оцѣнка эта должна отпасть.

Уже къ 15 марта 1904 г. выяснилось, что предположенія наши о готовности японцевъ были преувеличены и что, напротивъ, наше сосредоточеніе въ Ю. Маньчжуріи происходитъ, благодаря успѣшной работѣ жел. дороги, быстрѣе противъ тѣхъ расчетовъ, которые были положены въ основаніе нашего плана стратегическаго развертыванія (см. всеподданнѣйшую телеграмму Намѣстника отъ 15 марта, т. II ч. 1 стр. 35). вмѣсто 6—8 японскихъ дивизій, которыя ожидалось у р. Ялу не позже половины марта, ихъ оказалось тамъ всего три и то только въ концѣ марта (т. II ч. 1 стр. 119); переправа ихъ черезъ Ялу состоялась только 17—18 апрѣля. У насъ же вмѣсто ожидаемыхъ 40 баталіоновъ къ 15 марта въ Ю. Маньчжуріи было 55, не считая четырехъ баталіоновъ, на которые былъ за это время усиленъ П.-Артуръ противъ первоначальныхъ предположеній (стр. 36). Трудно думать, чтобы при своей мобилизационной готовности и обиліи морскихъ транспортныхъ средствъ японцы не въ состояніи были въ продолженіе первыхъ полутора мѣсяцевъ войны сосредоточить на Маньчжурско-Корейской границѣ силы вдвое большія противъ тѣхъ, которыя они дѣйствительно тамъ

выставляли; но, судя по тому, какъ пренебрежительно японцы оценивали нашу общую готовность къ борьбѣ (т. I стр. 255), имѣвшіяся къ началу войны русскія силы на Дальнемъ Востоку и провозоспособность Сибирской жел. дороги (А. Свѣчинъ стр. 36), надо полагать, что ради избѣжанія административныхъ неудобствъ, которыя должно было вызвать сосредоточеніе большихъ силъ на нижней Ялу, а также для улучшенія условій мобилизаціи, они рѣшили приведеніе войскъ на военное положеніе и отправленіе ихъ на Маньчжурскій театръ войны производить не торопясь, по мѣрѣ готовности, и высаживать свои арміи въ разныхъ мѣстахъ, для достиженія охватывающаго относительно насъ положенія (тамъ же стр. 35). При этомъ японцы совершенно пренебрегали нашей арміей, которая могла быть собрана въ Южной Маньчжуріи въ первые мѣсяцы войны. Затѣмъ, мало того, что они готовились вести сразу двѣ главныя операціи — на П.-Артуръ и на Ляоянь: они допускали возможность веденія еще и третьей операціи — на Владивостокъ (тамъ же стр. 36). „Эти ошибки“, говоритъ подполковникъ Свѣчинъ, „поставили японскую армію въ дни Ляоянской битвы въ критическое положеніе“. „При составленіи плана войны, учитывая силы врага, осторожиѣе погрѣшить въ большую сторону, нежели въ меньшую“, прибавляетъ наставительно авторъ. Ошибки, которую ставитъ подпол. Свѣчинъ въ упрекъ японцамъ, не было сдѣлано въ русскомъ планѣ, который, какъ выше указывалось, скорѣе склоненъ былъ преуменьшать свои силы, чѣмъ японскія, почему по прошествіи трехъ мѣсяцевъ войны положеніе для насъ на Маньчжурскомъ театрѣ войны оказалось не только болѣе благоприятнымъ, чѣмъ можно было ожидать по предварительнымъ соображеніямъ, но даже настолько для насъ выгоднымъ, что еще въ маѣ (а не въ августѣ, какъ полагаетъ подпол. Свѣчинъ), мы могли поставить японцевъ въ критическое положеніе, если бы у вождей нашихъ хватило прозорливости для уясненія себѣ обстановки и порыва впередъ, чтобы взять въ свои руки начинъ, упущенный самонадѣяннымъ врагомъ. Наступало время возмездія за 26 января, за Ялу, за дерзкое пренебреженіе къ намъ, которое позволили себѣ японцы, наступалъ тотъ „переломъ войны“, который, по словамъ г. А. Г. Елчанинова, явно чувствовался даже и въ запоздалые дни 31 мая, 1 и 2 іюня. (Тактика въ дѣйствіяхъ и т. д. стр. 243). Не одну узкую цѣль выручки П.-Артурса, а болѣе грандіозную задачу захвата въ свои руки починна дѣйствій, преслѣдовали возникшія въ маѣ 1904 года предположенія о переходѣ М. арміей къ активнымъ дѣйствіямъ. Паденіе Цзиньчжоуской позиціи и возникшія опасенія за участь П.-Артурса дѣлали задачу эту болѣе настоятельной, до из-

вѣстной степени предрѣшали вопросъ о направленіи операціи, но не мѣняли сути дѣла, которая заключалась въ томъ, чтобы, пользуясь разброской противника и неготовностью отдѣльныхъ его группъ, сосредоточенными силами Маньчжурской арміи бить его по частямъ. Въ предъидущемъ изложеніи я старался доказать, что препятствія, которыя усматривалъ К—щій арміей къ осуществленію этой задачи, не имѣли реального значенія, а зависѣли исключительно отъ склада его ума и отсутствія рѣшительности въ его характерѣ. „Постоянное давленіе на нѣсколько пунктовъ оборонительной линіи русскихъ... породить въ ген. Куронатэниѣ сомнѣнія... и принудить его скорѣе разбросать свои силы, чѣмъ сосредоточенно бросить ихъ въ какомъ-либо одномъ направленіи“ (Т. II Ч. 2. стр. 108). Такъ говорили японскіе генералы про нашего командующаго арміей, строгъ на этой чертѣ его характера успѣхъ своихъ предпріятій, становившихся съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе дерзкими. Смѣлость нашего наступленія къ П.-Артуру, которое, только благодаря его неудачному фивалу, было охарактеризовано, какъ безразсудство, не можетъ по степени своей рискованности идти ни въ какое сравненіе съ позднѣйшими операціями японцевъ, какъ напр. обходъ слабыми силами Куроки (первоначально 1½ дивизіями) нашего лѣваго фланга подѣ Ляояномъ и фланговый маршъ арміи Ноги въ февралѣ 1905 г. въ одномъ переходѣ отъ 2. Маньчж. арміи.

Но въ первые мѣсяцы войны, пока противники еще не успѣли другъ друга изучить, обѣ стороны были склонны опасаться разныхъ неожиданностей. Мы боялись движенія Куроки на перерѣзъ нашихъ сообщеній съ Харбиномъ, на столько же, на сколько онъ опасался предпріятій противъ своего тыла со стороны отряда ген. Ренненкампа¹⁾; мы учитывали тяжелыя послѣдствія отъ возможной высадки японцевъ у Инкоу или Гайчжоу, въ то время когда Оку былъ охваченъ ужасомъ за исходъ своей рискованной высадки близъ Бицзыво (Т. II Ч. 1 стр. 231); мы дрожали за цѣлость своей желѣзной дороги, японцы готовы были упасть въ панику, подѣ вліяніемъ потопленія двухъ—трехъ транспортныхъ судовъ крейсерами адмирала Безобразова и выхода Портъ-Артурской эскадры на нѣсколько часовъ изъ гавани (Т. II Ч. 2 стр. 109—110). Если намъ было крайне трудно пріобрѣсти моральное превосходство надъ противникомъ въ послѣдствіи, послѣ Мукдена и Цусимы, то это было

¹⁾ Чувствительность японцевъ къ ихъ тылу и путямъ сообщенія отмѣчалась и развѣд. отдѣленіемъ штаба арміи, напр. въ сводкѣ къ 22 мая, стр. 54.

сравнительно легко въ маѣ 1904 года, когда рѣшительныхъ столкновений еще не было, и когда японцы были до известной степени ошеломлены нашей неожиданной для нихъ готовностью. Надо было постараться первому выйти изъ состоянія гипноза, первому обрушиться на врага, забывъ свои собственные страхи и тревоги. Этого психологическаго момента не учелъ К—щій М. арміей.

Кажется, Наполеонъ говорилъ: „если бы военныя операціи подчинялись точному математическому расчету, военное дѣло было бы удѣломъ посредственности“ (цитирую на память). Переиначивъ это изреченіе, можно сказать, что тотъ, кто хочетъ наносить удары, самъ ничѣмъ не рискуя, всегда будетъ бить. При условіи, что исполнителемъ плана перехода Маньчжурской арміи въ маѣ 1904 г. въ наступленіе было то самое лицо, которое руководило впоследствии дѣйствіями нашихъ войскъ въ Ляоянскомъ, Шахейскомъ и Мукденскомъ сраженіяхъ, Вафангоуская операція должна была кончаться тѣмъ, чѣмъ она кончилась, т. е. неудачей. Совершенно вѣрно говоритъ одинъ изъ участниковъ войны 1904—5 г.г., что тѣ рѣшенія, которыя составляли основу высшаго управленія событіями въ февральскіе дни 1905 года, неизмѣнно носили характеръ *предпочтенія, отдаваемаго частнымъ успѣхамъ* передъ *рѣшительнымъ могучимъ ударомъ, неизбѣжно связаннымъ съ рискомъ*. „Но такія черты нашей стратегіи сказались значительно раньше Мукденскихъ боевъ, съ *первыхъ же дней* кампаніи,—и въ нихъ отразился *духовный складъ* бывшаго Главнокомандующаго“¹⁾.

Получившій боевое воспитаніе въ средне-азиатскихъ походахъ, въ условіяхъ малой войны, одаренный блестящей личной храбростью, обширнымъ аналитическимъ умомъ и громадвой работоспособностью, нашъ вождь не обладалъ въ равной мѣрѣ рѣшительностью характера и непреклонной волей, а также не понималъ природы современной большой войны.

Мнѣніе это, которое я позволяю себѣ здѣсь высказать, довольно близко подходитъ къ представленію, которое составили себѣ о ген.-ад. Куропаткинѣ иностранцы, занимавшіеся его личностью. Вотъ напр. какъ оцѣниваетъ его характеръ известный германскій военный писатель Балкъ: весьма знаменательна для характеристики искусства вождя заботливость о постоянномъ наличіи... стратегическаго резерва. Для Куропаткина сильный резервъ служилъ наглядной гарантіей обезпеченія себя отъ всякихъ непредвидѣнныхъ случайностей въ бою. „Могу ли я цѣлесообразно использовать свой

¹⁾ Бар. А. В. Кульбарскі. 2-я Армія подъ Мукденомъ. 1906 г. Часть II, стр. 147. (Курсивъ автора).

армейскій резервъ, если и не получаю никакихъ свѣдѣній о непріятель",—эту въ своемъ родѣ классическую фразу приписываетъ авторъ К—шему Мавъж. арміей. Оцѣнивая полководческій талантъ генерала Куропаткина съ точки зрѣнія событій Ляоянского боя, полк. Балкъ говоритъ: „Едва-ли въ военной исторіи можно встрѣтить еще другой примѣръ того, какъ близокъ былъ полководецъ къ побѣдѣ, какъ Куропаткинъ 21 августа. Этотъ день долженъ былъ для японцевъ закончиться катастрофой, которая, вѣроятно, рѣшила бы не только участь сраженія, но и всей кампаніи“. (В. Сборникъ 1911 г. №10 стр. 214).

Еще одна крупная ошибка была допущена при веденіи Вафангоуской операціи: это отсутствіе, одновременно съ наступленіемъ отряда съ сѣвера, активныхъ дѣйствій гарнизона крѣпости противъ японскаго заслона, находившагося въ очень тяжеломъ положеніи, т. к. онъ, хотя и состоялъ въ концѣ мая изъ двухъ дивизій, но одна изъ нихъ понесла большія потери въ бою 13 мая (1.), а другая (11.) едва только окончила высадку; всего это составляло около 25 т. бойцовъ, неустroившихся и неокрѣпшихъ. „Сбивъ этотъ заслонъ, отбросивъ его за Цзиньчжоу, какія могли бы мы имѣть послѣдствія, особенно при дѣйствіяхъ въ связи съ Штакельбергомъ“, говоритъ по этому поводу авторъ „Тактики въ дѣйствіяхъ подъ крѣпостями“ (стр. 234). Интересно, что такой образъ дѣйствій и именно въ связи съ дѣйствіями выручки съ сѣвера предлагалъ никто иной, какъ самъ ген. Стессель, правда, не съ цѣлью продлить сопротивленіе крѣпости, а ради спасенія гарнизона посредствомъ прорыва черезъ блокадный корпусъ противника (Т. II Ч. 1, стр. 338).

Почему бы К—шему арміей, если онъ дѣйствительно былъ озабоченъ оказаніемъ П.-Артuru помощи, не использовать такого наступательнаго порыва защитниковъ крѣпости, заключивъ его въ должныя границы? Едва-ли впрочемъ донесенія Стесселя встрѣчали постѣ Цзиньчжоу вѣру у ген.-ад. Куропаткина; не особенно довѣрялъ его наступательному духу также и адмиралъ Алексѣевъ, что вѣроятно и было ближайшей причиной, почему вопросъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ выручки и гарнизона больше не возбуждался. Надо имѣть въ виду и то, что связь съ П.-Артуромъ, хотя и не была въ то время совершенно прервана, но имѣла все-таки случайный характеръ, что должно было затруднить согласованіе операцій.

Подробное изслѣдованіе Вафангоуской операціи, на основаніи имѣющагося нынѣ военно-историческаго матеріала, приводитъ къ заключенію, что планъ этой операціи, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ предложенъ былъ адмираломъ Алексѣевымъ, основывался на расчетахъ, получившихъ полное оправданіе въ дѣйствительности, и что неудача операціи зависѣла исключительно отъ тактическихъ причинъ, а не отъ тѣхъ опасностей стратегическаго характера, которыя выдвигались, какъ доводъ противъ осуществленія предложеннаго плана. Если бы во время наступленія отряда ген. Штакельберга къ югу, восточной группой японцевъ были бы произведены серьезныя атаки со стороны Сюяни и Фынхуанчена, и эти атаки были бы нами отбиты только благодаря участию удержанныхъ въ тылу сильныхъ резервовъ, тогда дѣло другое; но въ дѣйствительности резервы эти, какъ мы видѣли, бродили безъ всякой пользы между Ляояномъ и Хайченомъ: восточнымъ заслонамъ она не понадобилась, а къ бою южнаго корпуса—не успѣли.

Напрасно ген.-ад. Куропаткинъ въ своемъ отчетѣ о войнѣ (Отч. т. III стр. 12) иронизируетъ надъ Куроки, что будто тотъ „не понялъ критическаго положенія нашего на восточномъ фронтѣ во время операціи къ Вафангоу“ и упустилъ случай „уже въ первыхъ числахъ іюня овладѣть Ляояномъ“. Миѣ кажется, что въ данномъ случаѣ ген.-ад. Куропаткинъ и ген. Куроки должны бы перемѣниться ролями, ибо, какъ было объяснено, японскій Командующій арміей, *не будучи въ самомъ дѣлѣ въ состояніи наступать*, съумѣлъ однако въ теченіе всего мая мѣсяца держать К—щаго нашей арміей подъ угрозой своего наступленія и этимъ настолько ослабилъ силы, направленные изъ М. армія противъ Оку, что возможное пораженіе своего товарища обратилъ въ побѣду¹⁾. Причину же успѣха демонстрацій Куроки надо искать главнымъ образомъ въ томъ моральномъ превосходствѣ, которое японцамъ удалось пріобрѣсти послѣ частныхъ успѣховъ, одержанныхъ въ первые мѣсяцы кампаніи. Видимымъ проявленіемъ этого превосходства явилось преувеличеніе нашимъ высшимъ управленіемъ Маньчжурской арміи военныхъ силъ и средствъ японцевъ, что повело къ добро-

¹⁾ Въ сочиненіи Анг. ген. штаба сказано, что, получивъ отъ глав. квартиры, въ нач. іюня (нов. ст.) приказаніе приступить къ активнымъ дѣйствіямъ, 1 армія не была въ состояніи двинуться изъ-за продовольственныхъ затрудненій. Пришлось ограничиться выдвигеніемъ отрядовъ съ демонстративными назначеніями... „Такимъ образомъ, въ продолженіе болѣе мѣсяца... Генералу Куроки удалось скрыть отъ противника не только свои намеренія, но также численность и группировку своихъ войскъ, чѣмъ онъ значительно облегчилъ наступленіе Второй арміи“ (выш. II стр. 168, Курсивъ мой).

вольному отказу отъ почивна дѣйствій. „Численное превосходство“, говорить въ своемъ трудѣ подпол. Свѣчинъ, „представляетъ ту главную выгоду, что рождаетъ увѣренность въ своихъ силахъ и даетъ сверхъ матеріальнаго и чисто моральный перевѣсъ. Въмѣсто того, чтобы опереться на это сознаніе, мы сами создавали иллюзію превосходства японцевъ въ числѣ... Это преувеличеніе являлось, какъ слѣдствіемъ плохой развѣдки, такъ и постояннаго стремленія оправдать наше отступленіе численнымъ превосходствомъ противника¹⁾. На это могутъ возразить, что и Намѣстникъ-Главкома вѣдущій, настаивавшій на скорѣйшей выручкѣ П.-Артура, преувеличивалъ силы японцевъ, направленные противъ этой крѣпости. Выше мною были приведены соображенія въ доказательство того, что опасенія ген.-ад. Алексѣева за П.-Артуръ имѣли весьма реальную основу, но даже тѣ изъ читателей, которыхъ мнѣ не удалось убѣдить, должны будутъ признать, что въ преувеличеніяхъ К—шаго арміей и Главкома была существенная разница: первый преувеличивалъ силы японцевъ, гдѣ это было выгодно, чтобы оправдать отказъ отъ наступленія, второй оцѣнивалъ ихъ въ болѣшую сторону тамъ, гдѣ это вызывало необходимость въ активныя дѣйствія. Это коренное различіе выразилось не только въ перепискѣ генераль-адъютантовъ Алексѣева и Куропаткина по поводу наступленія для выручки П.-Артура, но и въ послѣдующее время, когда Намѣстникъ, высказывая сомнѣнія относительно правильности исчисленія японскихъ силъ, постоянно указывалъ на необходимость наступательныхъ дѣйствій, а К—шій арміей, вплоть до Ляоянскаго боя, всегда находилъ къ тому какія-нибудь препятствія. Къ сожалѣнію, преувеличенныя представленія о силахъ, выставленныхъ японцамъ, по отсутствію во время войны и въ первые годы послѣ нея иныхъ источниковъ, кромѣ нашихъ официальныхъ донесеній и отчетовъ, укоренились настолько въ русскомъ обществѣ, что создали легенду о подавляющемъ численномъ превосходствѣ нашего бывшаго противника, которое, будто бы, было основной причиной всѣхъ нашихъ неудачъ. Это представленіе лежитъ и въ основѣ признанія нѣкоторыми авторами авантюристичности вафангоуской операціи, мнѣнія, которое я усиленно старался опровергнуть на предъидущихъ страницахъ.

Только въ одномъ сочиненіи, въ которомъ вопросъ о вафангоуской операціи затронуть попутно, пришлось встрѣтить авторитетное мнѣніе, не совпадающее съ установившимся по поводу ея взглядами. „Но если грозила такая отъ гибели П.-Артура опасность“,

¹⁾ Рус.-Яп. война 1904—5 гг. стр. 140. (Курсивъ мой).

спрашиваетъ авторъ, „нельзя ли было П.-Артуръ выручить?“— *Безпристрастное* изслѣдованіе показываетъ, что *во время іюньской попытки*—было можно...“ (А. Г. Елчанinovъ, *Тактика въ дѣйствіяхъ*... стр. 240—241, Курсивъ автора).

„Наступающій“, говоритъ другой авторъ, „лучше всего обезпечиваетъ себя быстротой и энергіей своего наступленія;... во... эта „безопасность“ по плечу только тѣмъ, которые не задумываются бросить въ огонь послѣдній баталіонъ. И, понятно, не по плечу она тѣмъ, для которыхъ *отсутствіе риска есть верхъ мудрости*. Нѣтъ, надо рисковать и рисковать крупно! Моральные факторы единственные, играющіе роль на войнѣ; все остальное имѣетъ цѣнность, опредѣляемую лишь степенью его вліянія на духовную сторону бойцовъ“.

Эти слова, заимствованныя изъ отзыва г. В. Бѣляева о лекціяхъ французскаго полковника Гранмэона (Р. Инв. 1911 г. № 255, фельетонъ), какъ нельзя лучше подходятъ къ характеристикѣ разобраннаго эпизода Маньчжурской кампаніи. Если послѣдній кончился неудачей, то именно потому, что у насъ процвѣтало осуждаемое французскимъ авторомъ правило: *стараться все знать, прежде чѣмъ рѣшиться*.

П.-Артуръ стоялъ того, чтобы изъ-за него рискнуть. „Взятіе японцами П.-Артура будетъ новымъ и наиболѣе тяжелымъ ударомъ, который подорветъ и политическій и военный престижъ Россіи не только на Дальнемъ, но и на Ближнемъ Востоку, и въ Средней Азии и въ Европѣ, и несомнѣнно наши недруги воспользуются этимъ, чтобы затруднить насъ елико возможно, а друзья отвернутся отъ Россіи, какъ отъ безсильной союзницы“... (Т. II ч. I стр. 420). Такъ писалъ 31 мая 1904 года ген.-ад. Куропаткину покойный Викторъ Викторовичъ Сахаровъ, который, хотя и изъ Петербурга, однако настолько же ясно представлялъ себѣ положеніе въ далекой Маньчжуріи, какъ и находившійся въ самомъ средоточіи событій, но не понятый тамъ, одинокій и въ сущности безсильный, генераль-адъютантъ Алексѣевъ. Еще въ началѣ третьяго мѣсяца войны безуспѣшно просившій о сложеніи съ него обязанностей Главнокомандующаго (Т. II Ч. I стр. 107), въ отвѣтъ на это признанный съ высоты Престола „отличнымъ исполнителемъ многотрудныхъ обязанностей стражника русскаго имени на дальней окраинѣ ¹⁾“, Намѣстникъ тѣмъ не менѣе оказывался вынужденнымъ обращаться къ содѣйствию Верховной Власти для того, чтобы указанія его, какъ

¹⁾ Выраженіе Высочайшей телеграммы на имя ген.-ад. Алексѣева отъ 7-го апрѣля 1904 года (Т. II Ч. I стр. 108).

Главнокомандующаго, исполнялись номинально подчиненными ему органами. Но это не освободило его от тяжелой отвѣтственности. Подобно другому, командовавшему сухопутными войсками адмиралу, надъ которымъ десятки лѣтъ тяготѣло обвиненіе въ провалѣ плана по плѣненію Наполеона на Березинѣ, пока заблужденіе это не было разсѣяно талантливымъ изслѣдователемъ кампаній 1812 года, В. Харкевичемъ, и ген.-ад. Алексѣевъ общественнымъ мнѣніемъ былъ признанъ виновникомъ вафангоуской неудачи, на которую онъ будто бы легкомысленно толкнулъ несочувствовавшаго идеѣ наступленія къ П.-Артуру, прозорливаго и осторожнаго К—щаго М. арміей...

Закончу свой очеркъ пожеланіемъ, чтобы въ XX вѣкѣ судъ исторіи былъ болѣе скорымъ, чѣмъ тотъ, который произнесъ свой приговоръ надъ адмираломъ Чичаговымъ, и чтобы истинная оцѣнка плана наступленія для выручки Портъ-Артура въ маѣ 1904 года и вообще событій минувшей войны утвердила въ сознаніи русскихъ военныхъ людей истину, что побѣду на войнѣ даетъ только *превосходство въ силѣ духа*.

В. Ф.

Приложеніе.

Извлеченіе изъ статьи г. Эль-Эсъ „Японецъ о Русскихъ“, помѣщенной въ № 11072 газ. „Новое Время“ отъ 8-го января 1907 г. ¹⁾.

...Съ особеннымъ чувствомъ удовольствія и удивленія прочелъ я недавно отзывъ о насъ нашихъ недавнихъ счастливыхъ враговъ въ одномъ замѣчательно интересномъ сочиненіи японца о послѣдней войнѣ. Обстоятельно, подробно, съ любовью и уваженіемъ къ дѣлу, японецъ въ 18 томахъ (сочиненіе еще не закончено) описываетъ эту величайшую войну, громадно-роковое значеніе которой скоро стаетъ всѣмъ осязательно-ясно. Описаніе интересно и любопытно тѣмъ, что въ немъ много разбросано характерныхъ и любопытныхъ замѣчаній объ офицерахъ, солдатахъ и высшемъ командномъ элементѣ русской арміи...

Я возьму одинъ изъ яркихъ эпизодовъ минувшей войны, — бой при Вафангоу, исходъ котораго предрѣшилъ тяжкую участь Портъ-Артура. Въ японской арміи прекрасно оцѣнили и поняли значеніе этого боя и, какъ всегда, приняли его въ полной готовности, съ

¹⁾ Подлинныя слова японскаго автора, заключенныя у г. Эль-Эсъ въ кавычки, подчеркнуты мною.

В. Ф.

опредѣленнымъ и обдуманымъ планомъ и твердой рѣшимостью не отступать ни шагу, такъ какъ въ случаѣ пораженія арміи ген. Оку „великій планъ разбить непріятеля тремя арміями въ долину Ляохэ—рушился бы окончательно. Если бы ген. Куропаткинъ, который располагалъ въ Ляоянѣ большими силами, стремительно двинулъ на югъ вдвое большее количество войскъ и орудій, чѣмъ то, которое было отправлено имъ подъ начальствомъ ген. Штакельберга, наша армія не могла бы отразить удара“, говоритъ откровенно японецъ. Но о какой „стремительности“ можно было мечтать у насъ, гдѣ чернилами канцелярѣи заливали кровь арміи?

Послѣ долгаго топтанія на мѣстѣ, выждавъ, когда Оку взялъ Кинджоу, и вся его армія получила свободу дѣйствій, рѣшились на посылку одного корпуса (1 и 9 В.-С. стр. дивизіи) съ неполнымъ числомъ рядовъ и ослабленнаго различными командировками. Корпусомъ онъ могъ называться только по недоразумѣнію. При этомъ наши войска даже не были собраны для боя, хотя времени было больше чѣмъ достаточно, и прибывали въ позицію по частямъ . . .

Но вотъ пришелъ день Вафангоу. „Пока ген. Куропаткинъ, постоянно мѣняя свои намѣренія, колебался, обдумывая, что лучше, нападать ли, отступить ли или защищаться, имъ было получено повелѣніе идти къ Портъ-Артуру, чье паденіе сильно повредило бы величію Россіи среди всѣхъ народовъ“ . . .

1-го іюня загорѣлся жестокой бой. Сначала загремѣли батареи... „Положеніе было крайне тяжелое... Непрiятельская артиллерія точно опредѣлила дистанцію и ея снаряды попадали въ самую цѣль... Къ 2 час. 30 мин. пополудни снаряды совершенно истощились, и наша артиллерія, положительно сложивъ руки, должна была наблюдать за ходомъ боя“. Пѣхота японцевъ остановила наступленіе и, не будучи въ состояніи подвинуться ни на шагъ, окопалась, „готовясь провести опасную ночь, которая была одной изъ самыхъ тревожныхъ. Японскія войска страшно опасались ночной атаки, не будучи увѣрены въ побѣду. Къ счастью, это не входило въ стратегическіе планы непріятеля“,—саркастически замѣчаетъ японецъ.—Въ этихъ словахъ видно открытое признаніе нашего успѣха въ первый день боя, хотя съ нашей стороны дѣйствовала почти исключительно одна дивизія (1 В.-С. стр.).

Ночью мы бездѣйствовали. Наступилъ второй день боя, когда японцы рѣшились „отомстить за свою неудачу“. Но бой опять начался неудачно для японцевъ. Цѣля ихъ батареи должны были прекращать огонь, такъ какъ „до того были засыпаны снарядами,

что были не въ состояніи рассмотреть непріятельскія позиціи".
Нашъ лѣвый флангъ перешелъ въ наступленіе

Положеніе японскаго праваго фланга было критическое: „Команд. дивизіи ген. Осима, а затѣмъ и Командующій арміей стали очень тревожиться положеніемъ дѣлъ. Бригада ген. Кодамы находилась въ критическомъ положеніи. Было вполне ясно, что пораженіе тамъ, подобно прорыву плотины, охватило бы всю армію. Команд. арміей уже выдвинулъ резервы на правый флангъ и въ его распоряженіи не оставалось ни одной части“

„Непріятель, поражаемый ¹⁾ убійственнымъ огнемъ съ нашихъ высокихъ позицій, проявилъ отчаянную храбрость“, говоритъ нашъ прагъ и не скрываетъ своего восхищенія и уваженія къ блистательной храбрости нашихъ офицеровъ.

„Ген. Осима рассказывалъ, насколько мужественно и отважно велъ себя непріятель“ . . .

¹⁾ Рѣчь идетъ объ отступленіи русскихъ пѣх. боя.